

Смертельная ночь

Автор:

[Хизер Грэм](#)

Смертельная ночь

Хизер Грэм

Братья Флинн #1

Вместе с плантацией в Новом Орлеане братья Флинн получили в наследство фамильный дом с призраками и фантастической легендой. Эйдан Флинн, детектив и старший из братьев, скептически относится к слухам о привидениях. Лишь после того, как он познакомился с Кендалл Монтгомери – красивой рыжеволосой предсказательницей – и нашел на своем участке человеческие кости, ему захотелось изучить историю семьи. Эйдан и Кендалл, пытаясь разгадать тайну плантации, не подозревают, что ввязались в схватку с неуловимым жестоким противником и подвергают свою жизнь смертельной опасности...

Хизер Грэм

Смертельная ночь

Окрестности Нового Орлеана 1863.

Он был здесь...

Дома.

Здесь было все, что он знал и любил.

Сидя на своем высоком чалом жеребце, на котором скакал с мест сражений от самого Шарпсбурга, Вилли-амсбурга, Шилоха и того дальше, Слоун Флинн смотрел на юг.

Земля. Богатая, плодородная, насколько хватает глаз...

Но стоило повернуться и посмотреть на север...

Палатки, выстроенные в идеальном военном порядке. Горят походные костры, бойцы чистят оружие. Поглядишь в одну сторону – там красота, покой и совершенство, а поглядишь в другую – и увидишь землю, которая вскоре пропитается кровью своих сыновей, землю, предназначенную к разорению.

Война лишила его иллюзий. Война была ужасной и жестокой. Он узнал, что война – это не только смерть, это крики искалеченных, изуродованных людей. Это слепой, которому выжгло глаза пушечным огнем, ковыляющий среди воронок. Это земля, усеянная оторванными конечностями и телами убитых и раненых. Это – что ужаснее всего – горе близких, рыдающих над мертвецами.

Любой, кто считал войну лучшим средством для устранения разногласий, просто не был у Шарпсбурга, штат Мериленд, не видел реки Энтиетем, которая от крови побурела, точно Красное море, и тянулась среди полей яркой карнавальной лентой.

Слоун начал войну капитаном кавалерии в Луизиане. Но это было давно. А теперь он служил в милиции, под командованием Джеба Стюарта, в армии северной Вирджинии. Их направили к югу, на разведку в долину Миссисипи, но потом отозвали обратно на север.

Вот бы плюнуть на все и махнуть домой...

Но это было бы не по-мужски. Он не мог, проснувшись однажды утром, заявить своим командирам и бойцам, что война – это зло и не несет ничего, кроме горя, и потому он их покидает и уходит домой. Он дрался и дрался, чтобы победить, потому что победа – это тоже война. Громкий клич защитить права Конфедерации, некогда звучавший в его сердце, точно горн, превратился в сдавленный всхлип. Вот если бы они все вернулись домой и притащили политиков и конгрессменов на поле боя, чтобы те посмотрели на изувеченные

окровавленные тела их сыновей, то войне был бы конец.

Но они этого не сделали. И теперь их собирали для новой битвы. Нет, отвоевывать Новый Орлеан было пока не время. Им предстоял бросок на север. Генерал Роберт Ли собирал войска со всего Юга, желая сровнять с землей города, фермы и пастбища янки, потому что его возлюбленная Вирджиния лежала в руинах, разоренная и поруганная.

Слоун снова бросил тоскливый взгляд в сторону дома.

Плантация Флиннов не была ни большой, ни богатой. Но там был дом. Его дом.

Она, наверное, сейчас там. Фиона Макфарлейн. По правде говоря, не так давно она стала Фионой Макфарлейн Флинн, но из-за войны это держали в секрете.

Как давно они не виделись...

Когда ее собственный дом, Оаквуд, разрушили еще в самом начале войны, Фиона перебралась к ним, на плантацию Флиннов. Дом у них был скромный – его семья приехала в Луизиану без денег, хотя и с большим желанием работать, – но для Фионы нашлось место. Иначе и быть не могло.

Он знал, что их хозяйство теперь в упадке. Несмотря на войну, он переписывался с кузеном Бренданом, лейтенантом в армии северян. Он знал, что им тяжело. С тех пор как Новый Орлеан перешел под контроль янки, Брендан все время проводил на плантации и в письмах ничего не скрывал. Пусть они были бы смертными врагами на поле боя, но они все же оставались братьями, что делало их переписку опасной для обоих. Брендан писал о коменданте их округа Батлере по прозвищу Зверь и что тот велел населению избегать контактов с солдатами. И это предостережение исходило от офицера федералов... Лучше было не думать о том, что все это значит...

Слоун еще мгновение помедлил, зная, что должен скакать на север, иначе его бойцов заметит неприятель и крупной стычки тогда не избежать. Но он был так близко... К дому... И к Фионе.

Один час ничего не решает. Всего час. Толпа всадников сразу привлекла бы внимание, но он ведь один, он проскочит...

Нет. Это война, и у него приказ.

Он пришпорил коня и поскакал к югу, вопреки голосу здравого смысла, звучащего в голове.

Вскоре он въехал в длинную дубовую аллею, ведущую к дому. Отсюда дом казался по-прежнему прекрасным. Элегантный, построенный в классическом стиле, с просторной анфиладой на первом этаже, так что свежий ветерок реки, проходя насквозь, остужал его в летнюю жару. Балконы на первом и втором этажах были по-прежнему увиты плющом с проглядывающими кое-где цветами. В детстве он помогал строить этот дом. От одного только взгляда его окатило волной мучительной ностальгии.

По главной аллее он не поехал. Он углубился в рощу, окружавшую дом, затем промчался по заросшим, запущенным полям и подъехал к дому сзади. Привязав Пегаса к дереву, он направился в конюшню, которая располагалась на заднем дворе. Генри, их управляющий, был там. Сухощавый Генри, в жилах которого кровь чокто мешалась с гаитянской и, наверное, немецкой, цветной свободный человек, всегда был настоящим хозяином поместья, сколько Слоун его помнил.

– Генри? – позвал он тревожным шепотом.

Генри, занятый ремонтом седла, с улыбкой поднял голову. Его резкие черты были неподвластны времени.

– Слоун?

Слоун вышел из-за стога сена.

Генри бросил иглу с кожаной ниткой, и они обнялись. Но Генри тут же отстранился, помрачнев.

– В доме двое солдат, – тихо сообщил он, – они с утра здесь.

Слоун нахмурился.

– Солдаты? Что им нужно?

– Что им нужно? – с горечью переспросил Генри. – Теперь, когда Новый Орлеан пал, они тут хозяйева.

Слоун еще сильнее нахмурился, гоня от себя мысли о предостережении Зверя – Батлера.

– А где все? Кто-нибудь еще есть в доме? Про мать я знаю. Брендан написал мне, что она умерла прошлым летом. – Узнай он об этом вовремя, он все равно не смог бы приехать на похороны – тогда он был слишком занят при Шарпсбурге. – А где Фиона, Мисси, Джордж? Они здесь? – Мисси и Джордж служили у них так же давно, как и Генри.

– Да... Они все дома, – помявшись, отвечал Генри. – Но мисс Фиона... она сказала, чтобы я не мешался там... Если что – она меня позовет.

Посмотрев на Генри, Слоун понял, отчего Фиона велела ему уйти. Он хорошо знал Фиону. Она боялась, что к ним в дом пришли не самые сливки армии северян. Она не хотела, чтобы они убили Генри, если, в случае чего, он попытается ее защитить.

Слоун отвел взгляд и посмотрел вдаль. Поведение Генри его настораживало. Что же там происходит?

– Генри, что такое? Что, черт возьми, происходит? – требовательно спросил он.

– Да ничего. Ничего. Просто... Вас так долго не было... Почти год.

– А это тут при чем? – Слоун в упор взглянул на него.

– Брендана тоже сейчас нет... А когда он дома... Они нас не трогают, потому что это дом его родственника.

– И что же?

– Я просто говорю, что он уехал. – Генри глубоко вздохнул. – Ничего хорошего. Это плохо, вот что. Янки – это одно дело. Не все они мерзавцы. Но есть еще местные, которые за деньги готовы на все. Я хожу в город, когда могу, чтобы послушать, узнать, что происходит. – Генри на мгновение потупился. – Один такой... он ищет девушек. Для своего знакомого офицера. И потом их уж больше не видят. Я как могу стараюсь отвести его отсюда, запудрить ему мозги... Но другие-то не молчат. Некоторые любят почесать языком, выбалтывают ему, где какая женщина живет одна... Мисс Фиона-то все отмахивается, но это очень опасно...

Сердце в груди у Слоуна остановилось. Вот оно, значит, как. Старина Генри пытается уберечь Фиону от беды... А она почему-то уверена, что сможет без посторонней помощи справиться с двумя вражескими солдатами. Кровь в его жилах похолодела от страха.

Когда он повернулся, чтобы выйти из конюшни, Генри попробовал его остановить. Генри был здоровый малый, но Слоун размахнулся и крепко врезал ему по челюсти. Тот упал, застонав. Как бы Слоуну ни было его жаль, он не собирался втягивать его в разборки с оккупантами. В этой битве он должен сражаться в одиночку.

Слоун взвел затвор винтовки – магазинной винтовки, которую забрал у убитого при Шарпсбурге, и направился к дому. Почти сразу он услышал крик. И увидел ее, выбегающую из спальни на балкон второго этажа.

Фиона.

Ее прекрасные волосы медного цвета развевались у нее за спиной, а черты лица были искажены страхом, хрупкое тело напряглось в отчаянном усилии.

Ее преследовал мужчина. Он смеялся, видя, как она напугана.

Вскинув винтовку, Слоун ринулся к дому.

Плантация Флиннов. Наши дни.

Это было восхитительно. Надо же, какое везение! Это обещало стать самым удивительным приключением в ее жизни.

Шейла Андерсен с фонариком в руке пробиралась сквозь тьму. Записка жгла ей карман.

«Ждите меня на плантации Флиннов. В полночь. Я знаю правду, стоящую за легендой».

Она не знала, кто послал ей записку, но догадывалась, что один из членов общества любителей истории – может быть, ее тайный поклонник, намного ее старше. После смерти Амелии Флинн наследники собирались продавать поместье. Общество должно было изыскать способ выкупить его и сохранить. От властей штата или от правительства помощи ждать не приходилось. В Новом Орлеане было много старых домов, а свободного места – мало. Территория бурно развивалась, корпорации скупали земли вдоль реки. Их общество нуждалось в фактах, доказывающих, что дом Флиннов – исторически ценный объект, чтобы те, кто любил историю своих родных мест и все, что с ней связано, успели собрать деньги и выкупить дом прежде, чем он уйдет с молотка.

Вот что привело ее ночью на старое семейное кладбище Флиннов. Она кралась в темноте, прикрывая ладонью луч фонарика, чтобы остаться незамеченной на своем пути к правде, стоящей за легендами, которые окружали плантацию. Она надеялась, что этих сведений будет достаточно для подтверждения исторического значения дома.

Ее обуревала смесь страха и восторга. Все было как в фильме ужасов или на американских горках, но только еще острее. О старом поместье ходили жуткие легенды. Местные жители утверждали, что там водятся привидения. Началось все с того, что Флинны перестреляли друг друга в своем родовом гнезде.

Правда, скрытая за легендой.

Легенда поражала воображение. Была одна женщина и двое мужчин. Двоюродные братья, сражавшиеся по разные стороны войны, которую именовали здесь Северной агрессией. Мужчины убили друг друга на заднем дворе. Она тоже умерла... но ее крики, как рассказывают, и по сей день раздаются в округе, а на балконе второго этажа мелькает ослепительно-белая

фигура.

Шейла остановилась за деревьями, вбирая в себя атмосферу места и с волнением и страхом разглядывая безлюдный темный особняк. Последняя владелица, Амелия Флинн, умерла – в той же комнате, где и родилась много лет назад. Ее подруга Кендалл Монтгомери, которая ухаживала за ней, уехала.

...Дневная жара спала, с реки потянуло сыростью. Из клубов тумана в темноту поднимались надгробные камни и кресты, мрамор серебрился в лучах лунного света.

Привидения нигде не было видно, но сердце Шейлы бешено билось.

– Шейла, сюда!

Она вздрогнула от испуга. Но голос – мужской голос – был настоящий, и она улыбнулась, подумав, что сейчас узнает, кто этот незнакомец, решивший разделить с ней столь важную информацию.

Она заторопилась. Сейчас! Она была на пороге исторического открытия.

– Куда?

Она бросилась напролом через кустарник, споткнулась о могильную плиту и упала, роняя фонарик. Стекло лопнуло и рассыпалось. Теперь путь ей освещала лишь луна, чьи лучи пронзали волнистый туман. Лежа на земле, она представила себе женщину в белом, мечущуюся на балконе, и ее сердце гулко и тяжело забилося.

Она вскочила, на мгновение поддавшись страху.

– Шейла!

Она двигалась почти вслепую – из-за темноты и тумана. Пусть она не раз бывала на этом кладбище, но это было днем, а сейчас она растерялась, не зная, куда идти. Она опасливо продвигалась в ту сторону, откуда, как ей казалось, раздавался голос. Она снова споткнулась, но успела уцепиться за

рассыпающийся склеп и не упала. Луна скрылась за тучей, оставив ее в кромешной тьме.

- Шейла? - раздался шепот где-то рядом.

- Помогите мне, - отозвалась она, - я потеряла фонарь. - Лишь услышав дрожь в собственном голосе, она осознала, что по-настоящему испугана.

За несколько секунд ее неясные страхи превратились в настоящую панику. Какая же она дура, что пришла сюда. Бегать по заброшенному кладбищу среди ночи лишь потому, что некий аноним прислал ей записку. О чем она думала?

Она сейчас же идет обратно к машине и едет домой. Там она выпьет большой бокал вина и отругает себя за свой идиотизм.

- Я здесь, - нетерпеливо напомнил голос.

- Да пошел ты, - пробормотала она.

Она хотела повернуться и бежать, но тут огромная черная тень накинута на нее, толкая. Она машинально вытянула руки, чтобы не упасть, и вдруг ее руки куда-то провалились - раздался скрежет ржавого металла. Потом она почувствовала новый толчок в спину. И закричала - потому что она падала...

Плантация Флиннов. 1863 год.

Брендан Флинн привез пленного в штаб генерала Батлера в Новом Орлеане. К слову, самого генерала, пользующегося дурной славой, он никогда не видел.

Билл Харви - бродяга и редкий мерзавец, ко двору пришедшийся в армии, если низость, порочность и даже садизм можно приписать к положительным для солдата качествам, - болтался у штаба, когда он прибыл.

- Эй, Флинн!

– Здорово, – буркнул Брендан, берясь за ручку двери.

– Ты приказ-то слышал? – Билл Харви довольно скалился от уха до уха, что служило дурным знаком. – Это ты о чем, Билл?

Билл оскалился шире некуда.

– Ну как же – приказ генерала Батлера насчет женщин, которые за людей нас не считают и все такое. Если они так себя ведут, то, значит, они шлюхи, и нечего их жалеть. А эта – из поместья Флиннов – эта сука хуже всех.

– Фиона? – изумился Брендан.

Фиона была так воспитана, что в любой ситуации оставалась неизменно вежливой. И он предупреждал ее насчет солдат. Он запретил ей приближаться к ним. Плантацию не конфисковали лишь потому, что в случае смерти Слоуна он должен был ее унаследовать. По крайней мере, он нарочно во всеуслышание заявил о своих правах.

– Ага. Мы с ребятами ходили на прошлой неделе возле реки, искали еду, а она на нас как напустится... – начал рассказывать Билл.

Шагнув к нему, Брендан схватил его за горло. Его пальцы змеей сжались вокруг шеи Билла, прищипив его к столбу, у которого тот недавно лениво отирался. Билл извивался у него в руках, но с Бренданом ему было не совладать. И он знал это.

– Какого черта? – прохрипел он. – Под трибунал захотел?

– Что вы с ней сделали? – сурово спросил Брендан.

– Ничего, ничего, клянусь! – Лицо Билла налилось кровью.

Вокруг них собиралась толпа. Никто из солдат даже не пытался защитить Билла, все лишь молча смотрели. Билл не пользовался любовью товарищей. К тому же жестокость военных, которую доводилось испытывать на себе их братьям – и особенно сестрам, – вызывала у многих тошноту.

– Это все Виктор Гребб... это они с Артом Бинионом... они поехали туда сегодня.

Брендан отпустил его.

– Когда?

Билл потирал шею. Краснота медленно сходила с его лица.

– Сволочь ты, Флинн... – начал было он. – В ту же секунду Брендан снова схватил его и прижал к столбу. – Полчаса назад, – прохрипел Билл.

Брендан выругался. Ведь у него есть связи. Но сейчас эти связи не спасут Фиону. Или маленького сына Слоуна.

Забыв о пленном, которого нужно было передать в штаб, он повернулся и побежал к своему коню. Его Меркурий был возвращен на семейной плантации, как и верный Пегас Слоуна. Бедняга, он совсем выдохся. Но Брендан сильно пришпорил его и пустил в галоп по улице, которая выходила на разбитую, изрезанную бороздами дорогу, истоптанную лошадьми и людьми.

Убитую войной.

Будь проклята эта война и смерть. Будь прокляты обстоятельства, позволяющие людям забывать границы между добром и злом, забывать о милосердии и человечности.

Волосы у него на затылке зашевелились при мысли о Викторе Греббе. Он был настоящий маньяк. Приглянувшиеся ему женщины бесследно исчезали.

Путь до плантации был далек и труден. Брендан нахлестывал коня, надеясь, что успеет помешать насильникам сделать свое черное дело. Но они, конечно, намного опережали его, да и лошади у них были посвежее.

Наконец впереди показался дом. Издалека он выглядел тихим и безмятежным, как в прежние времена. До войны.

Война началась из-за убеждений, из-за земли. Но это тут при чем?

Он мчался по дубовой аллее, думая лишь об одном.

Фиона.

Брендан подъехал к дому как раз в тот момент, когда она, пронзительно вскрикнув, бросилась вниз с балкона. И он увидел врага – во дворе был солдат в форме конфедератов. Тот выстрелил в сторону балкона с бешеным ревом, страшнее которого Брендану еще никогда не доводилось слышать. Выстрел разорвал в клочья тишину прекрасного весеннего утра, и Брендан сделал то, что подобало мужчине, – он сорвал с плеча винтовку и выстрелил во врага.

И лишь когда тот повернулся, смертельно раненный, целясь в Брендана, он узнал солдата, одетого в эту желто-коричневую с серым форму.

Слоун.

Пуля попала ему в грудь. Брендан понял, что убил собственного двоюродного брата. Господи, но это же не нарочно! Не по злему умыслу... О боже, какой ужасный конец им всем, проклятым в глазах потомков...

По иронии судьбы Слоун тоже его убил. Ибо он чувствовал, что умирает.

И тогда он увидел Виктора Гребба, который стоял на балконе, зажимая рану на плече, и бешено ругался. Кровь струилась меж его пальцев – оттуда, куда угодила пуля Слоуна.

Руки Брендана были холодны и уже почти бесчувственны. Собрав последние силы, он поднял винтовку, взвел курок и выстрелил. Выстрелил в Гребба, человека, навлекшего на них проклятие.

Последнее, что он слышал, умирая, был надрывный детский плач в доме. Сын Слоуна. Слоун так и не узнал, что у него есть сын. Брендан не написал ему, полагая, что Фиона сама должна это сделать. Он молился, чтобы ребенок выжил и смог когда-нибудь искупить вину их проклятого семейства. Ибо они были прокляты в памяти и глазах всех людей.

А в глазах Бога?

Вскоре он узнает.

Только надеялся, что Бог – и время – простят их всех.

Плантация Флиннов. Наши дни.

Шейла провалилась куда-то под землю. Наряду со страхом ее не оставляло острое чувство растерянности. Поблизости плескалась вода. Пахло сыростью и гнилью, пронизывающей, казалось, стены вокруг... если это были стены. Она моргала и щурилась, но ничего нельзя было разглядеть в крошечной тьме.

Она села, пытаюсь сообразить, куда она попала.

Вдруг впереди среди тьмы возник крошечный огонек, такой яркий, что его свет больно резал глаза, но светлее не становилось. Подняв руку к лицу, чтобы не видеть слепящего сияния, она повернула голову и тут же хрипло вскрикнула от ужаса.

В темноте маячило лицо. Пустые глазницы, впавшие щеки, гниющая плоть. Оно плавало в воде, поднимавшейся вокруг Шейлы, и, казалось, смотрело на нее.

«Хеллоуин, – вспомнила Шейла, – скоро Хеллоуин. Это чей-то глупый розыгрыш».

Но в душе она понимала, что это не шутка. Это была настоящая человеческая голова, отделенная от тела.

Она открыла рот, собираясь закричать и чувствуя, как смертельный страх переполняет ее сердце, но прежний голос остановил ее.

– Шейла... – тихо и даже ласково шепнул он.

И потом... она успела только понять, что закричать уже не сможет никогда.

Глава 1

Новый Орлеан. Наши дни.

– Это кость, – объявил доктор Джон Эйбел.

– Несомненно, – сухо заметил Эйдан Флинн.

– Бедренная кость. – Доктор искоса поглядел на него.

– И человеческая, – прибавил Эйдан.

– Да, это бедренная кость человека, – подтвердил доктор Эйбел и пожал плечами, глядя на лица людей, столпившихся на илистом берегу Миссисипи. Близился вечер жаркого, душного дня, и лишь ветерок с реки служил слабым предвестником грядущей вечерней прохлады. Мутная и бурая вода в реке бурлила. Прихлопнув жужжащего комара, доктор с отвращением покачал головой. Он был не из тех, кто любит работать на месте происшествия.

Его вызвали сюда по просьбе Эйдана. Но поскольку Эйдан был всего лишь частный детектив из Флориды, который вместе с тремя братьями унаследовал тут старую плантацию, то звонил ему Хэл Винсент, комиссар округа. Йонас Бермингэм, начальник окружного отдела ФБР, тоже не остался в стороне, поскольку могло выясниться, что они имеют дело с серийным убийцей, который действует под прикрытием стихийного бедствия – урагана «Катрина».[1 - Ураган «Катрина» – самый разрушительный ураган в истории США. Произошел в конце августа 2005 г. Наиболее тяжелый ущерб был причинен Новому Орлеану, когда под водой оказалось около 80% площади города. (Здесь и далее примеч. ред.)]

– Знаете, – говорил Эйбел, – мы до сих пор находим тут всякие останки, всплывшие во время урагана. Это будет продолжаться не один год. Были разрушены многие кладбища по берегам реки. К одной женщине в Слайделле, ниже по течению, во двор заплыли три гроба и несколько месяцев оставались там, и никто не хотел их забрать. Никто не знал, откуда они. Она даже имена им дала – Том, Дик и Генри, и здоровалась с ними, когда выходила из дому. – Джон Эйбел был высоким худым человеком лет сорока пяти, напоминающим с виду

безумного ученого, хотя так только казалось. На самом деле он был самым авторитетным судмедэкспертом штата. Взглянув на грязную воду, он вздохнул. – Да в этой речке плавают столько костей, что нам с вами за всю жизнь их не разобрать.

– И что с того? – спросил Эйдан. – Расследования не будет? Вы хотите выбросить эту кость и дело с концом? – Небо над ними потемнело. Грозовые тучи, собиравшиеся с полудня, уже кипели, как огромные небесные котлы. Он показал на кость. – Смотрите, ведь здесь есть остатки плоти, а это значит, что кость свежая и где-то поблизости могут находиться и другие части тела. Если бы я наткнулся на ископаемую окаменелость, я бы вызвал антрополога.

Джон Эйбел снова вздохнул.

– Ну конечно, мало мне стреляных покойников, расчлененки и шашлыков из разбитых машин. Мало мне неопознанных трупов из-под мостов. Я должен все бросить ради этой кости, потому что на ней могут быть какие-то следы мяса.

– Джон, – тихо сказал Хэл Винсент, – это может быть серьезно. Я знаю, как вы и ваши сотрудники заняты, что у вас много срочных дел, но, пожалуйста, помогите нам.

– Это мужчина или женщина? – спросил Эйдан.

– Пока что это просто кость.

– Мужская или женская – каковы ваши предположения? – настаивал Эйдан.

Судмедэксперт сурово взглянул на него.

– Женская. – Опыт позволял ему определить это сразу. При всем его нежелании заниматься этим делом он был лучшим специалистом в своей области. Он поправил очки и покачал головой. – Навскидку могу сказать, что ростом она была где-то пять и шесть футов[2 - Около 167 см.]. Лет ей было от двадцати до тридцати. Больше пока ничего не скажу – не буду даже гадать.

– А я могу сказать, что она мертва, – сухо заметил Хэл. Вмешался Йонас, попытавшийся дипломатично сгладить углы. Сорокалетний щеголь Йонас был высокий и плотный, с гладкими рыжеватыми волосами и смазливый лицом. Стоя среди грязи на берегу реки, он выглядел безупречно чистым и невозмутимым.

– Мы были бы глубоко признательны вам, доктор Эйбел, – сказал он, – если бы вы сообщили нам подробности, как только позволит ваше расписание. Нам известно, насколько вы заняты. Также нам известно, что вы лучший эксперт в таких вопросах.

Джон Эйбел сквозь зубы поблагодарил его за комплимент, что не помешало ему бросить раздраженный взгляд на Эйдана. Флинн был тут ни при чем. Пусть он часто приезжал в Новый Орлеан навестить друзей, но он оставался чужаком – по крайней мере для Джона Эйбела.

На этот раз Эйдан приехал сюда по делу о пропавшей девочке. Сбежавшие из дому подростки жили лагерем на берегу болотистого притока реки. Когда он разыскал ее – грязную, мокрую, голодную и несчастную, – она была только рада вернуться к родителям.

А Эйдан был рад найти ее живой, зная, что не всем беглецам так везет. Вот женщине, чью кость он откопал на берегу, определенно не повезло.

Йонас и Флинн были давно знакомы. Они вместе учились в академии ФБР. Потом Йонас, в отличие от Эйдана, пошел работать в ФБР. Йонас также дружил с Джоном, что помогло вытащить его сюда сегодня.

– Я сделаю что смогу, – пообещал Джон и подал знак своему ассистенту, Ли Вонгу, который ловил каждое его слово.

Кость снабдили ярлыком и упаковали. Затем, недовольно ворча себе под нос, Джон направился к машине. Ли пошел следом. Не оборачиваясь, Джон взмахнул рукой и крикнул:

– Я дам вам знать, когда будут результаты!

Когда он уехал, Хэл Винсент сказал:

– Мои люди прочешут территорию.

Хэл был высокий, худой и мускулистый. Глядя на его бронзовый загар, зеленые глаза и седые, коротко стриженные волосы, невозможно было определить его возраст. Эйдану казалось, что в сто лет он должен будет выглядеть точно так же. Он родился в Алжире, штат Луизиана, – прямо за рекой, и знал всю округу как свои пять пальцев. Хэл был хороший и прямой человек.

– Спасибо, Хэл, – поблагодарил Йонас, затем посмотрел на Эйдана: – Знаешь... может быть, кость и правда... старая.

– Может быть. А может, и нет. – Эйдан постарался произнести это без тени сарказма.

– О результатах экспертизы мы вам доложим. – Хэл взглянул на часы. – Пора сдавать дежурство. Я бы не прочь выпить пива. Кто со мной?

– Я, – ответил Йонас. Он мечтал работать на западе, но его послали в Новый Орлеан, и он, сам того не ожидая, влюбился в этот город. Кончилось тем, что он женился на местной девушке и поселился во Французском квартале. – Эйдан?

Эйдан покачал головой:

– Извините, но я и так уже опоздал. Тороплюсь к братьям.

– Говорят, вы, ребята, теперь владельцы старого поместья на реке? – спросил Хэл.

– Да уж, богатые наследники, – поморщился Эйдан.

– Как знать, – возразил Хэл, – исторический объект все-таки. Легенды, привидения, все дела. Дом хотя и гнилой, но при нем сохранились конюшня, коптильня и даже помещения для рабов. Если вы собрались продавать, то продавайте быстрее, пока местные любители старья не пронюхали.

– Да, конечно... Но мы пока не решили, что нам делать. Для этого мы и встречаемся.

– Я слышал, у вас общее детективное агентство? – спросил Йонас. – И как идут дела?

– Хорошо, – ответил Эйдан.

– Флоридяне – в этом старом доме, – пробурчал Хэл. Эйдан не понял, что он хотел этим сказать. – Идем пить пиво, Йонас. Эйдан, если мы узнаем что-нибудь еще, дадим тебе знать.

Эйдан кивнул, и они все двинулись к машинам. Помахав ему на прощанье, они поехали в город. Эйдан поехал вдоль реки.

Двадцать минут спустя он встретился с братьями.

Они втроем стояли и смотрели на дом, располагавшийся на возвышении, которое нельзя было назвать холмом. Но и дом тоже был не вполне дом. В течение десятков лет, что он провел без ухода, черепица на крыше рассыпалась, колонны потрескались, краска выцвела и облупилась. Теперь он походил на декорацию из фильма ужасов.

Да еще и гроза надвигалась. Вдали раздавались раскаты грома, небо раскрасилось невиданными цветами. Но жара, по крайней мере, отступила, подул прохладный и даже несколько знобящий ветерок. И темнота, казалось, обрела собственную жизнь – прошла по небу, опустилась на деревья, расползлась туманом по земле, тень с запахом насилия и гнили.

Эйдан был самым старшим и высоким из братьев, а также выделялся обветренным лицом и физической мощью. От службы в армии остались спортивная фигура и настороженность во взгляде. Реакция у него была мгновенной, а подозрительное отношение в окружающему – неизменным. Он полагал, что когда-то давно был не лишен привлекательности. У него были голубые глаза – ледяные, как сегодня говорят, и черные волосы – сочетание, которое Серена находила неотразимым. В той дистанции, которая всегда сохранялась у него в общении с людьми, виноваты были скорее его манеры, чем внешность. Хотя, вероятно, с Сереной он держался не так холодно и замкнуто, как с другими. Когда она была жива, в мире была надежда... А теперь... Хорошо,

что у него так много работы. Работа удерживала его от падения в пропасть.

Братья, его семья... Только им он и доверял. Он прошел курс в учебном центре морской пехоты Квонтико, но потом жизнь доказала ему, что он не командный игрок, и тогда он уволился из ФБР и стал частным детективом в собственном бюро расследований.

Может быть, ему стоит провести расследование происшествий, связанных с этим домом.

– Хм, – произнес средний брат, Джереми, которому и принадлежала идея сообщать открыть детективное агентство.

Когда Эйдан ушел из ФБР, Джереми, работавший водолазом в полиции Джексонвилля, как раз собирался бросать работу. Но не по личным причинам, как его брат. Просто однажды он участвовал в поиске и подъеме автобуса, перевозившего сирот и затонувшего в реке вместе со всеми пассажирами. И хотя к тому времени он успел навидаться ужасов, но этот случай был последней каплей. Видение автобуса-утопленника долго преследовало его. Джереми любил играть на гитаре, и музыка вернула его к жизни. Он захотел помогать сиротам найти новые семьи и так открыл в себе талант радиоведущего. Он приехал в Новый Орлеан, чтобы работать в паре с популярным диджеем на вечеринках в Одубон-аквариум, собирая средства для местного приюта, где жили дети, потерявший родителей во время «Катрины».

Джереми любил людей, Новый Орлеан и вообще побережье, но даже он онемел при виде неожиданно свалившегося на них наследства.

«Плантация, надо же», – думал Эйдан.

Это слово заставляло представить длинные, тенистые дубовые аллеи, пышно зеленеющие уголья, ослепительно-белый дом в псевдогреческом стиле и прекрасных женщин в длинных струящихся платьях, сидящих на крыльце и потягивающих мятный джулеп.

А в действительности на крыльце этого дома разве что бродяги могли распивать пиво из бутылок, упрятанных в коричневые бумажные пакеты.

Да, расследование тут необходимо.

Закари, младший из троих братьев, сочетавший в себе стоицизм старшего и впечатлительность среднего, глубоко вздохнул.

- Похоже, этот дом нам достался с большой скидкой.

Эйдан смерил его взглядом. Ростом Закари был вровень с Джереми – шесть футов два с половиной дюйма [3 - Около 190 см.]. Казалось, что три брата были вылиты почти по одной форме, а потом раскрашены в разные цвета. Голубые глаза Эйдана умели изменять оттенок от ледяного до черного, как его волосы. У Джереми были дымчато-серые глаза и рыжевато-каштановая шевелюра. Закари в детстве часто буянил, доказывая свою мужественность, поскольку родился с шелковыми пшеничными локонами, за которые братья нещадно изводили его, хотя с возрастом волосы потемнели и порыжели. Драчун Зак заслужил у их матери прозвище «ирландский мятежник». Но зато он всегда умел постоять за себя. Как и Джереми, он обожал музыку, говоря, что музыка – это бальзам для души.

Зак с готовностью согласился участвовать в семейном деле. Отслужив несколько лет в полиции Майами, он дошел до последней черты, когда ему пришлось расследовать дело наркомана, зажарившего в микроволновке своего малютку сына. К тому времени Закари успел стать совладельцем нескольких мелких студий звукозаписи, но едва он узнал о планах открытия детективного агентства, немедленно уволился из полиции.

Эйдану было тридцать шесть лет, Джереми – тридцать пять, а Закари – тридцать три года. Пусть в детстве они много дрались, теперь они были друзьями.

- Мы должны это продать, – сказал Эйдан.

- А что мы получим за такую развалину? – спросил Зак.

- Продать? – возмутился Джереми. – Но это же... это же наше наследство.

Братья хмуро уставились на него.

– Наследство? Да мы и знать о нем не знали, пока не позвонил адвокат, – напомнил Эйдан.

ДжерEMI пожал плечами:

– Но здесь жили наши предки, не одно поколение Флиннов. Это же здорово. Кому еще повезло проснуться однажды утром и узнать, что на него свалилось наследство – целое поместье!

Эйдан и Зак посмотрели на дом, потом снова на брата.

– Да тут одна земля чего стоит! – продолжал ДжерEMI.

– Ну и отлично, продадим все по цене земли, – сказал Эйдан.

– Нет, нам нужно тут все отремонтировать, – покачал головой ДжерEMI, рассматривая дом. – И почему бы нам не поселиться где-нибудь поблизости?

Эйдан хотел было возразить, но лишь молча скрестил руки на груди.

В самом деле, почему бы и нет?

Сам-то он приехал в Новый Орлеан, чтобы отыскать сбежавшего из дома подростка. Теперь, когда дело сделано, он возвращался домой в Орландо, штат Флорида. Но зачем? Они могли перевести свое агентство куда захотят. Без Серены в Орландо его лично ничего не держало.

Им всем нашлись бы в Новом Орлеане и другие занятия. ДжерEMI продолжал бы помогать приюту, а Зак и без того часто приезжал сюда поиграть в музыкальной группе своих друзей.

Просто это произошло так неожиданно... Оказалось, у них была тетка Амелия – та, что недавно умерла, всю жизнь прожив в этом доме. Нет, они знали, что корни их семьи здесь, на юге. Но их отец был единственным ребенком в семье, да и его отец тоже... Что ж, родня теряет друг друга из вида, вот как это бывает.

– Прежде чем продавать, надо сделать ремонт, – предложил Джереми. – Надо привести дом в приличный вид, тогда можно будет набивать цену. А пока он напоминает дом с привидениями, кто захочет его купить?

– Дом с привидениями? – переспросил Зак.

– Да, считается, что в таких местах должны водиться привидения.

– Ах да, привидения братьев, убивших друг друга во время Гражданской войны. Какой ужас. Ну и семейка, – сказал Зак. – А вообще я согласен с Джереми. Давайте восстановим это хозяйство.

– Вы что – с ума сошли? – разозлился Эйдан.

– А что такого? – осканился в улыбке Зак. – Ты боишься привидений? Да ладно, не трись, нет тут никаких привидений, – поддразнил он брата.

– Мы детективы, а не строители, – кипятился Эйдан, сам себе удивляясь. – И потом – сюда будут приходиться толпы сумасшедших любителей всякой нечисти.

Джереми рассмеялся.

– Я думаю, это здорово – владеть домом с историей. И мы сами принадлежим ему не меньше, чем он принадлежит нам, потому что здесь плантация Флиннов, а других Флиннов, кроме нас, не осталось.

Эйдан громко застонал. Он проигрывал – их было двое против него одного. Отчего-то, глядя на дом, он не испытывал желания что-то с ним делать. «Это какой-то белый слон, – думал он, – нет, серый. Серый слон с облезлой шкурой».

– Мы даже не знаем, каков он внутри. Может быть, там все развалилось, – сказал он.

Слепящее солнце заставило его на мгновение зажмуриться. А затем...

Он открыл глаза и увидел на балконе женщину. Высокую женщину, с длинными волосами медного цвета, в белом и длинном платье, летящем за ней, как и ее

волосы. Она была красива – и выглядела совершенно настоящей.

Он заморгал – и она исчезла.

– Эй, а вы никого сейчас не видели? – спросил он братьев.

– Нет. Но женщина, которая помогала Амелии, может быть здесь. Адвокат говорил, что она придет забрать вещи.

– Мне показалось, что я ее видел... А, ладно.

Он внимательно осмотрел окна и балкон. Никого.

Если его братья и обратили внимание, что он пристально вглядывается в дом, то вслух ничего не сказали. Они увлеченно спорили о том, кто из них лучший плотник. Эйдан молча двинулся к дому.

– Эйдан! – крикнул Зак. – Ты куда?

– Хочу взглянуть поближе, – ответил он.

Они догнали его, и все втроем пошли по аллее, по обеим сторонам которой стояли мощные дубы, дающие густую благодатную тень... Подойдя к дому, Эйдан увидел, что он выглядит еще хуже, чем можно было предполагать. «Сколько же тут работы», – подумал он с мысленным стоном.

– Хорошо, что поблизости нет других домов, – сказал Зак, – никаких тебе пограничных споров.

– Если это исторический объект, то нам все-таки придется побегать по конторам, – заметил Эйдан.

Зак покачал головой.

– Как пить дать исторический. Но... в том-то и дело. Я не знаю, как ты, Эйдан, но я... я считаю, что мы должны попытаться сделать хоть что-то.

Эйдан остановился и сурово взглянул на брата:

– О чем ты говоришь?

Зак передернул плечами.

– Я видел в жизни столько дерьма, да и все мы видели... И я не могу избавиться от чувства, что это что-то важное, где мы могли бы помочь.

– А что, если общество любителей истории захочет купить этот исторически значимый объект? – спросил Эйдан.

– Я думаю, у них достаточно зданий, которые они уже купили и обихаживают. Но мы сами могли бы восстановить этот дом. Можно было бы устраивать в нем лекции, или концерты, или даже исторические реконструкции, чтобы показать людям, чего стоило построить эту страну.

Зак покраснел, поскольку сам не ожидал от себя такой страстной речи, но отступить не собирался.

– Согласен, – поддержал его Джереми, а Эйдану оставалось лишь поднять руки, показывая, что он сдается. – У меня, кстати, идея.

– Да ну? – притворно изумился Эйдан.

– Почему бы нам не поставить перед собой конкретную цель? Например, устроить Хеллоуин-пати? Благотворительный вечер, а все деньги отдать в приют.

Взглянув на Джереми, Эйдан понял, что тот не шутит. И это было объяснимо. Когда на работе он столкнулся с непостижимой трагедией, он не разочаровался в жизни и не опустил руки. Он поставил перед собой цель, добиваясь, чтобы такое случалось как можно реже. Он, конечно, немного сумасшедший, но что с того? Может быть, это у них в крови. Разве он сам не настаивал всего час назад, что кость, которую все считали древним артефактом, вымытым из земли ураганом, достойна серьезного расследования?

Закари с самого начала поддержал Джереми, а он, старший, что он сделал?

Ничего. Тут он струсил. Он был в долгу перед братьями.

– Благотворительный вечер? – переспросил он, желая все-таки сохранять нить логики.

– Да, вечеринка на Хеллоуин, – улыбнулся Джереми, захваченный идеей. – Надо здесь все украсить и нанять актеров в страшных костюмах.

Эйдан застонал.

– Ты подумай, Эйдан. Это поместье нам досталось в подарок, и нужно использовать его в помощь другим людям, – поддержал брата Зак.

Они не ждали его благословения. Просто он остался в меньшинстве. Но им нужна была его поддержка.

– Сегодня давайте посмотрим, не смочит ли дом дождем, ладно? А потом я готов все обсудить.

– Он готов все обсудить – ты слышал? – обратился Зак к Джереми.

– Ага. Перегрелся, наверное, на солнце, – ответил Джереми с усмешкой.

Эйдан снова двинулся к дому. Они пошли следом, но немного поодаль. «Они меня слишком хорошо знают», – думал он.

Он помнил, как они ссорились и дрались в детстве, сводя с ума родителей. От него ожидали разумного поведения, потому что он был старший. Много раз ему удавалось вовремя примирить всех, прежде чем заходило слишком далеко. Но они никогда не забывали, что они братья. Стоило кому-то чужому обидеть одного из них, они выступали против обидчика единым фронтом, одним сплоченным кланом братьев Флинн.

Потом он ушел служить в армию – ради бесплатного образования, полагающегося отслужившим. Братья иногда приезжали повидать его, даже

когда его направили в Германию. Но что-то изменилось. Он был далеко, а они оставались дома, то есть в своем штате, вблизи родного дома. Их объединяла общая любовь к музыке. Вернувшись домой, он поступил в академию ФБР. Учиться было непросто, но ему нравилось, хотя что-то в этой системе – наверное, из-за службы в армии – его не устраивало и даже смущало. И он ушел, надеясь, что своим уходом никого не обижает. Несколько раз он обращался за помощью к старым друзьям и всегда получал ее.

Еще у него была Серена.

Вся его жизнь сводилась к Серене. С нее она практически и началась.

И закончилась.

Они познакомились еще в старших классах школы. Она помогала ему принимать все самые главные решения в жизни. Колледж или армия? Графика или криминология? Остаться в армии или поступить в ФБР?

И вдруг в один момент все переменялось. Как он потом жалел, что так много времени посвящал работе, а она – своей политической карьере, что они не могли чаще бывать вместе. Обкуренный лихач выскочил на соседнюю полосу шоссе и убил Серену. И для него все потеряло смысл.

Минуло пять лет. Несмотря на работу, которой он гордился, несмотря на помощь другим людям, в его жизни все-таки не было цели. Так мелькали день за днем.

– Вы, похоже, не представляете, сколько тут работы, – сказал Эйдан. – Лицензии, а страховки...

– Не дрейфь. Мы ведь братья Флинн, – возразил Джереми, вставая между Эйданом и Заком и обнимая их за плечи. – И мы справимся.

Эйдан снова окинул взглядом дом, и ему вдруг стало жутко, чего с ним никогда не случалось. Он – разумный, прагматичный брат – не был подвержен таким странным ощущениям.

Он мысленно встряхнулся. Да какого черта? И вслух сказал:

– Да, мы братья Флинн.

Глава 2

Проклятье.

Они уже явились.

Их не было ни во время болезни Амелии, ни когда она умерла. Адвокат говорил, что они вообще не знали о ее существовании, пока он не позвонил им, чтобы сообщить о наследстве. Это было чертовски подозрительно.

Кендалл Монтгомери вернулась с балкона, где они часто сидели с Амелией, в спальню, надеясь, что ее не заметили. Она хоть и знала, что адвокат встречался с Флиннами и передал им права на имущество, но не ожидала, что они приедут так скоро.

Она вернулась, чтобы забрать кое-какие вещи. Книги и диски, которые одалживала Амелии, одежду, которую надевала, когда оставалась здесь на ночь с Амелией. Она как могла помогала Амелии, отплачивая любовью и добротой за ту поддержку, которую Амелия когда-то оказала ей. Старушка была очень мила, любила вспомнить о прошлом и с удовольствием пересказывала легенды, связанные со старым домом. Она прожила долгую жизнь и сумела сохранить за собой поместье, хотя не умела поддерживать в нем порядок – что говорило о том, каким человеком она была.

Кендалл вдруг почувствовала, что в руке у нее что-то есть. Это был старый дневник в чудесной обложке, который она откопала однажды на чердаке, когда Амелия попросила ее принести конверт с бумагами. Она тогда оставила дневник у кровати Амелии, думая прочитать его как-нибудь, но все откладывала. До сегодняшнего дня.

Сегодня, когда она собиралась только забрать свои вещи и уйти, она для чего-то подобрала дневник.

Чтение оказалось захватывающим. Дневник принадлежал женщине, жившей в доме во время Гражданской войны. Начав читать, Кендалл не могла оторваться. Даже не верилось, что она держит в руках тетрадь, которой уже сто пятьдесят лет, что она читает слова, написанные так давно. Слова, передающие наблюдения очевидца той ужасной братоубийственной войны. Рассказ о выживании. Яркие факты повседневной жизни, надежды и мечты о будущем.

Увлечшись чтением, Кендалл не заметила, как пробежало время. Ей давно пора было убраться восвояси. А теперь придется встречать тут наследничков...

Она быстро сунула дневник в рюкзак, хотя не имела на то никаких прав. Все права принадлежали кровным родственникам Амелии.

Но она хотела дочитать. Она не станет держать его у себя, она дочитает и вернет. А сейчас ей требовалось быстро придумать, как вести себя с новыми владельцами поместья.

Первым ее порывом было спрятаться, попытаться тайком выскользнуть из дома. Однако они не могли не заметить ее машину, стоявшую у конюшни. Нет. Лучше выйти к ним в открытую. Пусть видят, что если она и находится в их доме без разрешения, то, по крайней мере, ей нечего скрывать.

Она извинится, объяснит, что приехала забрать свои вещи, и уедет.

На днях она слышала радиопередачу, где Джереми Флинн призывал собирать деньги для детей, оставшихся без родителей во время «Катрины». Он явно умел вызвать сочувствие, расшевелить аудиторию. И он говорил разумные вещи. Она должна была признать, что его речь ей понравилась.

Адвокат рассказывал ей, что их три брата, и у них частное детективное агентство. Наверное, отслеживают неверных мужей и шпионят за няньками.

Другой брат, живущий во Французском квартале, был известен как потрясающий рок-гитарист.

А третий...

Похоже, крутой парень... Служил в армии, затем в ФБР.

Этот, чего доброго, арестует ее за нарушение границ частной собственности.

Но, по правде говоря, они должны были быть ей благодарны, ведь это она заботилась об Амелии. И вовсе не ради личной выгоды. Она проводила здесь много времени, потому что Амелии было страшно. Прожив в старом доме всю жизнь, в последние месяцы Амелия была уверена, что духи ее умерших предков посещают ее днем и ночью. И наяву и во сне. Приближение смерти пугало Амелию, ей казалось, что ее предки овладевают ею, тянут к ней из могил свои костлявые руки.

И все же в последние часы она была совершенно спокойна, будто радовалась встрече с привидениями, будто родные пришли за ней, чтобы забрать ее домой.

«Мне и самой было до смерти жутко, – думала Кендалл, – но я не могла бросить ее одну. Где были эти трое парней, когда Амелия действительно нуждалась в помощи родственников? Разве это возможно, чтобы они не догадывались о ее существовании?»

Ладно, она займется этим позже, в другой раз. Сейчас самое главное – выбраться из дому, не потеряв при этом достоинства.

Но как?

Да выйти прямо через парадную дверь, и дело с концом.

Решительно откинув с лица волосы, она спустилась вниз по лестнице, положила на пол рюкзак и стала отпирать тяжелый засов. Открыв, наконец, дверь, она столкнулась с ними нос к носу. Они стояли на крыльце.

– Здравствуйте, – произнесла она таким тоном, будто имела полное право находиться в доме. «Так оно и есть», – мысленно напомнила она себе.

Один из них – суровый, хмурый человек – холодно уставился на нее глазами кобальтовой сини. К счастью, двое других выглядели довольно дружелюбно, а один брат даже нерешительно улыбнулся.

– Извините. Я Кендалл Монтгомери. Я ухаживала за Амелией... то есть вашей теткой... в ее последние дни, – объяснила она. – Я тут... забыла кое-что и вот приехала, чтобы забрать свои вещи. А вы, я полагаю, братья Флинн?

– Да, – сказал тот, который улыбался. – Вот это Эйдан, старший брат, – он указал на хмурого типа слева, – это Зак, наш младший. А я Джереми.

– Ну, я просто... – смущенно промямлила она, не зная, что еще сказать.

– Амелия, если не ошибаюсь, уже несколько месяцев как умерла, – произнес Эйдан.

Он был высокий, мускулистый, напористый, с крупными и резкими чертами лица. Но вовсе не внешность неприятно поразила ее, а скорее его тон и выражение его ледяных глаз.

– Я, между прочим, должна зарабатывать на жизнь. И тем не менее я организовала ее похороны, оплатила последние счета и подготовила все к вашему приезду, – сказала она не без вызова в голосе.

– Вы жили здесь все это время? – не унимался Эйдан.

– Эйдан... – пробурчал Зак.

– Это я заботилась об Амелии. А вы – вы даже не знали, что она живет на белом свете.

– Правда, не знали. Мы ничего не знали ни о ней, ни об этой плантации. Мы должны были, но... так уж получилось, – тихо проговорил Джереми.

– Она была очень хорошим человеком, – Кендалл отвернулась, чувствуя комок в горле, – очень добрым. – Она в упор взглянула на старшего брата. Будучи пять футов десять дюймов[4 - Около 177 см.] роста, она смотрела на него снизу вверх, и это ее коробило.

Да какого черта? Какое ей до него дело? Этот болван ничего не значит. Амелия уже умерла, а у нее своя жизнь. Она возвращается к себе, и пусть они делят дом

как хотят.

Нет, это не совсем так. Не все они идиоты, только один.

- Что ж, меня ждет работа, - сказала она, - приятно оставаться.

- А чем, вы, кстати, занимаетесь? - снова подал голос Эйдан.

Она не сразу ответила, мысленно ругая себя за это, но, скажи она им всю правду, они могли бы решить, что она авантюристка, наживающаяся на людских слабостях.

- У меня кафе и магазин подарков. А теперь, если позволите...

- Мисс Монтгомери, - остановил ее Джереми, вопросительно улыбаясь, - мы тут ничего не знаем. Если бы вы могли уделить нам пару минут и провести нас по дому, мы были бы вам бесконечно благодарны.

- Пожалуйста, - поддержал брата Зак.

А старший брат лишь пристально смотрел на нее.

Она глубоко вздохнула.

- Ну хорошо, входите. Мы, так сказать, в фойе. - Она отошла от двери, показывая и объясняя. - Это парадная лестница, слева - танцевальный зал, гостиная, столовая - там на стене висят семейные портреты, посмотрите, если вам интересно. Направо - кухня. Этой кухне уже сто лет, последний раз, я боюсь, ее ремонтировали лет пятьдесят назад. Внешне все обшарпанное, но конструкция, в общем, крепкая. Внизу, под нами, - большой подвал, наверху четыре спальни, на чердаке - кладовые и мансарда. Прекрасный дом на самом деле. Есть еще не меньше дюжины других построек, в разном состоянии. Первая кухня, конюшня, коптильня и помещения для рабов. А на самом деле... - Она хотела продолжить, но осеклась, вспомнив, что уже рассказала им все основное.

Теперь ей пора уходить, это, в конце концов, их дом.

Наверняка они будут его продавать. В лучшем случае его купит какой-нибудь фонд по сохранению памятников старины.

- На самом деле что? - вдруг переспросил Эйдан.

- Ничего, ничего... к дому не имеет отношения. Уверена, у вас все будет в порядке.

- Нет, правда, что вы хотели сказать? - вмешался Зак. Такой улыбкой можно убить, подумала она.

Он был чертовски красив, а также уверен в себе, но без тени самодовольства.

Она передернула плечами.

- Амелии было страшно. В конце. Во время Гражданской войны здесь произошла ужасная трагедия, и она... ей слышалось разное по ночам, ну, она и боялась. Вот почему я оставалась с ней.

- То есть она боялась привидений? - Ей показалось, что Эйдан готов презрительно фыркнуть. Большой, грубый самец, которому неведом страх.

- На каждой приличной плантации есть дом с привидениями, верно? - улыбнулся Джереми.

«Двое младших - приличные люди, - думала она. - Этого следовало ожидать». Так ей и говорили. Ее друг Винни, работавший у нее в кафе, иногда играл с ними в группе и рассказывал, что они талантливые гитаристы и хорошие ребята.

Кендалл пожала плечами, чувствуя неловкость.

- У этого дома богатая история. Ваша семья была почти уничтожена во время войны. - После недолгой задумчивой паузы она продолжала: - И не только война была виновата. Были и другие события. Другие смерти. В 1890 году владелец плантации увлекся одной из горничных. Говорят, она была потрясающе красива - изумрудно-зеленые глаза и шоколадная кожа.

Губы Эйдана изогнулись в иронической улыбке.

– Значит, жена убила шикарную горничную или наоборот – и теперь ее дух бродит по дому. Или нет – они убили друг друга и бродят здесь на пару.

Смерив его взглядом, Кендалл продолжала:

– Жена потребовала, чтобы экономку повесили. В те времена Ку-клукс-клан был в полной силе, ну они и занялись этим. А голова... веревкой ей перерезало шею, голова отвалилась. Говорят, ее безголовое привидение гуляет по округе и ищет голову. А еще – что она прокляла жену, когда ее тащили к дереву вешать. Вон на том дереве ее повесили. – Она указала на огромный дуб слева от дома. – Проклятие, очевидно, сработало, поскольку жена погибла через год день в день, упав с парадной лестницы.

– Захватывающий рассказ, – улыбнулся Джереми. – Так было на самом деле?

– Не знаю. Можно справиться в историческом обществе. Признаться, не одно поместье претендует на эту историю. Я здесь выросла и слышана о местных плантациях. До конца правдивой можно считать лишь историю о взаимном убийстве двух кузенов. Это сохранилось в местных архивах.

Орлиный взгляд Эйдана переместился с ее лица на дом.

– Я все-таки считаю, что мы должны его продать, и черт с ним, – сказал он братьям, качая головой.

– Посмотрите только, какой он красивый, – сказал Джереми и раскинул руки, будто стремясь обнять дом. – Это наше наследство, а привидения – наши родственники.

– Как знать, – пробурчал Эйдан.

– Почему это? – удивился Джереми.

– Как знать, не грешила ли одна из хозяек поместья на стороне?

«Ну и юмор у него», – подумала Кендалл.

– Мужчины развлекались с горничными, а их жены, может быть, с конюхами. Откуда мы знаем?

Джереми рассмеялся:

– Мой брат – циник, так что не удивляйтесь. Но в душе он совсем не такой.

– Да ну? А я-то думала, что он что внутри, что снаружи.

Кендалл ушам своим не поверила, услышав от себя слова, вертевшиеся у нее в голове. Не то чтобы она собиралась встречаться с ними снова, но вежливость редко изменяла ей.

От удивления брови Эйдана взлетели вверх. Ей показалось даже, что он вот-вот улыбнется.

– Смотрю, вы любите называть вещи своими именами, – сказал он. – Простите, мисс Монтгомери, что я произвел на вас столь неприятное впечатление. Большое спасибо за экскурсию, мы вас больше не задерживаем.

– Благодарю.

– Подождите. А вы сами здесь не видели чего-нибудь эдакого? – снова спросил Эйдан. Его взгляд сверлил ее, будто на допросе в полиции.

– Нет, – солгала она, и, судя по его виду, он догадался, что она лжет.

Она видела. Только не знала что. Она даже не была уверена, что это не страхи Амелии, которые заползли к ней в душу.

Иногда она видела странные огни в темноте, иногда просыпалась от полуночных шорохов. Как будто что-то – или кого-то – тащили по траве у нее под окном. И слышался чей-то жуткий и сверхъестественный шепот, словно некий безумный ученый проводил там опыты.

– Нет, конечно нет, – повторила Кендалл, решительно встряхивая головой, чтобы отбросить волосы за плечи.

«Потому что все это игра воображения», – убеждала она себя.

В конце концов, разве она не окончила университет сразу по двум курсам – психологии и драмы – со средним баллом 3,9? Она понимала всю глубину человеческого сознания. Просто она заразилась кошмарами Амелии, которые, в свою очередь, являлись отражением вполне объяснимого страха смерти.

Кендалл не могла позволить себе верить в такую чушь.

Потому что она сама занималась обманом. Она была отличной актрисой и обманщицей.

Хотя несколько раз...

Психолог в ней возмущенно настаивал, что и в те несколько раз не было ничего непостижимого. Получив актерское и психологическое образование, она зарабатывала на жизнь гаданием, выдавая себя за ясновидящую. «Воспринимай это как игру, театр», – говорила она себе. Она не обладала никаким даром ясновидения, если такой дар в действительности существует. Все, что ей доводилось испытывать, поддавалось логическому объяснению. В той удивительной комбинации логики и воображения, что представляет собой сознание человека, логика приструнивает воображение, когда тому случится слишком разойтись.

– Знаете, что мы планируем тут сделать? – спросил Джереми.

– Мы этого не планируем, – вставил Эйдан, прежде чем его брат успел продолжить.

– Понятия не имею, – ответила она Джереми, не обращая внимания на Эйдана.

– Восстановить дом и устроить тут культурный центр – устраивать разные концерты, лекции, вечера, все такое, – ответил Зак.

– Да? – вежливо удивилась она. Глядя на двоих младших Флиннов, можно было поверить в их искренность, но если Эйдан имел у них право голоса, то их планы были в опасности.

– Я подумал, – стал объяснять Джереми, – что нужно поставить себе цель закончить ремонт до Хеллоуина, чтобы устроить благотворительную вечеринку в помощь детскому приюту.

– То есть вы хотите открыть развлекательный центр «Дом с привидениями»?

Эйдан презрительно фыркнул.

– Мы пока что устроим один вечер, а там видно будет, – сказал Зак. – Хотя дом с привидениями – неплохая идея.

– Конечно-конечно, – согласилась Кендалл, но по спине у нее пробежал холодок.

Она хотела посоветовать им не делать этого – сама не зная почему. Она лишь была уверена, что это плохая идея. Очень плохая.

– Мы сможем реально помочь детям, – говорил Джереми. – Я выведу благотворительность на новый уровень. Для рекламы можно привлечь радио – радиостанции, где у меня есть контакты.

– Да, хорошо звучит, – принужденно согласилась Кендалл.

– На Хеллоуин мы бы отпраздновали открытие, – сказал Зак. – Мне бы хотелось увидеть этот дом в его былом великолепии. Пусть он послужит людям.

«Неужели они это сделают?» – думала она. В этот момент луч солнца упал ей на лицо, пробившись сквозь дождевые тучи, и ветер внезапно стих. Добрый знак? Она любила этот старый дом и была бы рада, если бы его восстановили и использовали для чего-нибудь полезного.

Она знала это место как свои пять пальцев. Еще в детстве она познакомилась с Амелией и была очарована легендарным прошлым поместья.

– Давайте не будем забегать далеко вперед, – предложил Эйдан, строго глядя на братьев.

«Он не просто идиот, он еще и зануда», – решила она.

Когда он обернулся к ней, на его лице была непритворная улыбка. Он сразу переменялся, в нем появилось что-то доброе, человеческое. Сексуальное. «А это тут при чем?» – одернула она себя.

– Извините, что я нагрубил вам, мисс Монтгомери. Не могли бы вы поподробнее рассказать и показать нам тут все? Если у вас есть время, – вежливо добавил он.

– Я...

– Пожалуйста.

«Одно слово еще не отменяет того факта, что он идиот, – подумала Кендалл, – даже улыбка не отменяет». Он по-прежнему улыбался, желая, наверное, подольститься. Что ж, ему же хуже, потому что она не дура.

С другой стороны, она так любила этот дом – их дом, – почему бы не пройтись по нему еще раз, в последний раз?

– Ладно, идемте.

Она шагнула мимо него. Ее рюкзак – с дневником внутри – остался у двери. Она ощутила мгновенный укол стыда, но велела себе перестать волноваться и идти дальше. Они последовали за ней.

– Этот анфиладный или, по-другому, ружейный холл, называется так потому...

– Потому что, если выстрелить из ружья, стоя у парадной двери, пуля пролетит вдоль всего холла и вылетит через заднюю дверь, – сказал Джереми. – Взгляните, какая чудная лестница!

– Дерево-то гнилое! – указал ему Эйдан.

– Ерунда, – возразил Зак. – Правда, Эйдан. У меня в студии такое было. Тут нужен хороший плотник, вот и все.

Кендалл снова убеждалась, что дом великолепен. Конечно, гниль и разрушение не обошли его стороной, но элегантности ему было по-прежнему не занимать. В танцевальном зале были окна от пола до потолка. В гостиной стоял диванчик Дункана Файфа[5 - Дункан Файф (1768—1850) – крупный американский краснодеревщик, самый производительный и популярный в США в начале XIX в.] и расшитые гарусом стулья девятнадцатого века. Был даже рояль – правда, совсем расстроенный, как предупредила их Кендалл, а также изящные журнальные столики, секретер и прочее. У стены с семейными портретами, среди которых присутствовали настоящие произведения искусства, они остановились.

– Амелия? – спросил Эйдан, глядя на крайний портрет с правой стороны.

Портрет был выполнен всего несколько лет назад и изображал Амелию такой, какой ее знала Кендалл, – шапка белоснежных волос, лицо, хранящее следы былой красоты, яркие глаза и добрая улыбка.

– Видно, что она была хорошей женщиной, – заметил Закари.

– Еще какой, – подтвердила Кендалл.

Наверху Эйдан стучал кулаком в стены и топал ногами по полу. Потом он с любопытством оглядел лестницу, которая вела на чердак, где хранилось множество сундуков.

– Семейные летописи, – предположил Зак.

В ответ Эйдан лишь неопределенно хмыкнул.

Затем они спустились и пошли на кухню.

Несмотря на возраст кухни, Кендалл находила ее совершенно очаровательной. Но все трое братьев оглядывали ее скептически, явно не разделяя энтузиазма Кендалл.

– Она чудесная. Смотрите, здесь даже лифт есть, – говорила она, показывая им маленький кухонный лифт, управляемый рычагом. Когда-то он служил для подачи наверх горячих блюд и приема грязной посуды, белья, а иногда – одного-двух маленьких сорванцов.

Наконец они вышли во двор. Она показала им первую кухню, ставшую коттеджем управляющего, которого давно не было, и коптильню, до сих пор пахнущую дымом. Даже конюшня, сохранившаяся лучше прочих построек, хранила запах сена и лошадей, хотя Амелия последние двадцать лет не держала лошадей. Затем они прошли к ряду домиков, предназначавшихся для рабов. Большинство были двухкомнатными и требовали серьезного ремонта. У последней избушки в ряду Эйдан остановился и сказал:

– А здесь кто-то живет.

– Да ну? – удивилась Кендалл.

Когда он взглянул на нее, она поняла, что он проверяет ее реакцию. Он явно верил ей, но сам факт сомнения покоробил ее.

– С чего ты взял? – нахмурился Зак.

Эйдан пнул ногой кучу мусора.

– Да вот же, банки из-под супа.

– Да, вот такие мы детективы, – горько пробормотал Джереми. – Когда бы мы еще это заметили.

– Банки из-под супа и пивные бутылки. – Эйдан посмотрел на Кендалл: – А вы не знали.

Это было утверждение, а не вопрос.

Она покачала головой.

- Но... Амелия говорила, что видела какие-то огни. Может быть, ей не показалось.

- А вы не проверяли?

- Ну знаете ли, - с возмущением сказала она, - я приходила, когда она была больна, одинока и испугана. Я не нанималась. Она... ей многое мерещилось перед смертью.

- Если она видела огни, то ей, выходит, не померещилось. - Эйдан снова пнул ногой кучу мусора и вдруг нахмурился и насторожился. Нагнувшись, он стал разгребать отходы.

- Эйдан, какого черта?.. - начал Джереми.

Но тут Эйдан вытащил что-то из кучи.

- Что это? - изумленно воскликнула Кендалл.

Он поднял находку, чтобы показать им, и в желудке у нее болезненно заныло. Нет, не может быть.

- Бедренная кость, - сказал Эйдан, - человеческая.

Глава 3

Хорошо еще, что они не заставили ее дожидаться полиции. Хотя беседы с полицией ей, понятно, было не избежать.

Хорошо, что даже Эйдан Флинн не подозревал ее в том, что это она упрятала эту кость в кучу мусора.

Бедренная кость человека.

Она холодела от ужаса, не оставляя, впрочем, попыток убедить себя, что это совсем не так страшно. Даже сейчас, когда после урагана прошло столько времени, случались ужасные находки. Кость, несомненно, принадлежала печальным останкам с какого-нибудь размытого наводнением кладбища. Она должна была заглушить в себе страх и волнение.

Путь от плантации Флиннов до Французского квартала обычно занимал у нее полчаса, но сегодня было столько машин, что лишь в четыре часа она подъехала к своему салону. Она ворвалась, чувствуя себя виноватой, поскольку обещала Винни вернуться не позднее трех. Вечером его группа выступала на Бербон-стрит, и в пять он должен был начать монтировать аппаратуру.

Но он поздоровался с ней как ни в чем ни бывало, и от сердца у нее отлегло.

Винни стоял за стойкой, где они держали кофе и чай для посетителей, а также выпечку из соседней пекарни. Он читал газету, рассеянно накручивая на палец длинную прядь своих темных волос. Длинные волосы он носил, потому что пел и играл на гитаре в группе. Когда она вошла, он поднял голову и взглянул на нее с вопросительной улыбкой.

– Значит, ты не сумела избежать знакомства с пропащими наследниками?

– Нет.

– А подробнее?

Она пожала плечами:

– Их трое братьев.

– Это известно всему округу. Двоих и я сам лично встречал, помнишь? Расскажи что-нибудь новенькое.

– Не знаю, что и рассказать.

– Ну... что они за люди?

- Двое – нормальные парни, а третий – идиот.

- Их младший – Зак – помогает молодым музыкантам. У него несколько мелких студий, и иногда он записывает их бесплатно.

- Ты знаешь о них больше, чем я, – заметила Кендалл.

- Разумеется, – сказал Винни. – Потому что, в отличие от некоторых, у меня есть личная жизнь. Я общаюсь с людьми.

- Я очень за тебя рада, – отрезала она.

- Значит, старший у них кретин?

- Он...

- Кретин, – повторил Винни.

- Да мы всего на пару минут с ними пересеклись. Это не важно.

Она без надобности стала переставлять на стенде открытки местных художников.

- А что все-таки случилось? – не отставал Винни. – Думаешь, почему я спрашиваю? Потому что дом должен был достаться тебе.

- Я не затем помогала Амелии, чтобы она завещала мне дом, – заявила Кендалл. – Признаться, я помогала, чтобы отплатить ей за ее доброту. Она была мне как бабушка. Если бы не она, у меня не было бы даже того, что я сейчас имею. Кроме того, дом требует ремонта и вообще слишком дорогой подарок.

- Может быть, ты его купишь после ремонта? – предположил Винни.

- Ах да, точно. – Она посмотрела на карты. – Если даже весь Новый Орлеан сбежится ко мне погадать, я все равно столько не заработаю.

– Наверное, это он из-за жены, – вдруг невпопад сказал Винни. – Я имею в виду старшего брата.

У нее ушло не меньше минуты, чтобы понять, о чем он говорит.

– То есть жена довела старшего брата до идиотизма? Страшная стерва, наверное?

Винни нахмурился и покачал головой:

– Нет, она погибла.

– Ах вот оно что... А ты откуда знаешь?

Винни подошел к ней и нежно провел по ее скуле костяшками пальцев.

– Не забывай, двое из них музыканты, и мы вместе выступали.

– Но в этом случае ты вообще знаешь все лучше меня. К чему тогда вопросы?! – с раздражением воскликнула она.

Он рассмеялся и покачал головой.

– Ну, я бы так не сказал. А старшего я вообще ни разу не видел. Он явно не гитарист. Может быть, потому он такой болван.

– Но-но, полегче, приятель. Так что там с его женой?

– Я же говорю – она погибла.

– А... как это случилось?

Но тут Винни поднес палец к губам, призывая замолчать. К ним пришли – в коридоре раздавались голоса. Это был Мейсон Адлер и с ним маленькая женщина в футболке с эмблемой «Нью-Орлеан Сейнтс» и в темных очках с оправой в виде аллигаторов, обнимающих линзы. Все это, а также карта

Французского квартала в руках и сожженная ради модного загара кожа как нельзя лучше выдавали в ней приезжую.

Она чему-то смущенно и радостно рассмеялась и проворковала:

- Вы так добры, Мейсон.

Переглянувшись с Кендалл поверх головы своей спутницы, Мейсон пожал плечами. Мейсон гадал на картах Таро, на чайной гуще и по ладони. Он тоже прошел курс психологии в университете и умел давать правдоподобные предсказания, вместо того чтобы обещать клиентам крупное наследство в скором времени и двоих детей в ближайшие десять лет. Еще он был потрясающе красив - выше шести футов[6 - Около 182 см.] ростом, лысый как орел, чернобровый, с крепким спортивным телом.

Он носил золотое кольцо в ухе. Однажды увидев, забыть его было трудно.

- Знаете, мисс Гриссом, от вас исходят очень сильные фибры. А вот и Кендалл. Кендалл, это Фаун Гриссом. Она хотела видеть тебя, хотя я сделал все, что было в моих силах.

- Вот как? - Кендалл с улыбкой протянула клиентке руку. - Приятно познакомиться.

- Здравствуйте! - Фаун крепко пожала ей руку.

- Моя подруга Эллен - помните ее? - вас очень хвалила. Я уверена, что не напрасно. Потому я и пришла. А Мейсон... он просто видит будущее.

- Да-да, он очень талантлив, и мне кажется, вам судьбой было предназначено встретить его.

Женщина посмотрела на нее круглыми от изумления глазами, будто Кендалл открыла ей тайну вселенной.

- Конечно, так оно и есть!

– Я в этом абсолютно уверена, – поддакнула Кендалл, улыбаясь.

– Я должен извиниться, потому что мне нужно идти. У меня концерт сегодня вечером, – сказал Винни.

Помахав всем на прощание, он направился к двери.

– Винни, подожди! – крикнула Кендалл.

Он остановился.

– Что такое? Я опаздываю.

– Нет, ничего, извини. – Она тоже помахала ему, мысленно ругая себя за любопытство. Ей отчего-то хотелось знать, как погибла жена Эйдана Флинна, хотя это ее совсем не касалось. Она ведь больше никогда его не увидит...

– Как мне у вас нравится, – проворковала Фаун Гриссом, – у вас вкуснейший чай и чудесные картины на стенах.

– Это работы местных художников, большое спасибо, – поблагодарила Кендалл.

– Какие милые куколки. – Фаун указала на полку с куклами вуду в затейливых костюмах.

– Да, ничего так, – согласилась Кендалл, желая только одного – чтобы женщина поскорее убралась. Обычно она была не прочь поболтать с посетителями, но не сегодня.

– Это уникальные куклы. Их делает для нас одна местная мастерица. Говорят, ее куклы приносят счастье, – с воодушевлением стал рассказывать Мейсон.

«Что за дурак! – подумала Кендалл. – Это же куклы вуду». Хотя и вправду уникальные. И она всегда была рада помочь старушке, живущей с продажи своих работ.

– Я возьму две, – заявила Фаун. – Нет, что это я говорю? Мне нужны три: одна для себя и две для моих сестер.

– Они дорогие, – предупредил Мейсон, называя цену. – На одну куклу у мастерицы уходит не меньше недели.

– Ах, ничего страшного. Они того стоят. Таких я нигде не видела. Вот почему я люблю этот город – потому что здесь много магазинов с уникальными вещами.

Достав кредитную карту, она протянула ее Кендалл, которая была вновь занята мыслями об Эйдане Флинне и ничего вокруг не замечала. Мейсону пришлось кашлянуть, дабы привлечь ее внимание.

– Э-э-э... Кендалл... мне помочь? – спросил он.

– Ах, простите, – извинилась Кендалл. Что это с ней сегодня? Для них, равно как и для мастерицы, было большой удачей сбыть сразу три куклы.

Фаун с удовольствием рассматривала свои покупки, пока Кендалл пробивала чек, а Мейсон доставал коробки для кукол.

– Куклы вуду, – задумчиво проговорила Фаун, затем взглянула на Кендалл и улыбнулась. – Муж у одной из моих сестер – редкий мерзавец. Как вы думаете, помогут ли ей кукла и булавки?

От неожиданности Кендалл выдала первое, что пришло ей в голову:

– Ей скорее поможет развод, если уж на то пошло.

Фаун мрачно кивнула.

– И все-таки пусть попробует...

Затем она снова расплылась в улыбке и стала прощаться, обещая непременно еще зайти.

Когда за ней закрылась дверь, Мейсон повернулся к Кендалл.

– Что с тобой? Пока ты тарасилась на ее карту, она могла бы сто раз передумать. Разве нам не нужны деньги?

– Что ты! Извини, я просто устала, – виновато пробормотала Кендалл, понимая, как ей повезло работать вместе с друзьями. Винни он знала практически всю жизнь, еще со школы. Мейсон явился к ней в день открытия, прямо заявив, что он ее конкурент. Тогда он работал в одной конторе недалеко от Джексон-сквер.

На следующий день он вернулся, говоря, что карты подсказали ему, что ей понадобится его помощь. И с тех пор они работали вместе – она, Мейсон и Винни, приходивший на неполный день. Дела у них шли неплохо. И даже после «Катрины», когда город впал в кому, они сумели быстро восстановиться благодаря своим постоянным клиентам, которые помогли им дотянуть до возвращения туристов.

Амелия даже позволила им принимать клиентов у себя в доме, пока у них шел ремонт. При мысли об Амелии у Кендалл болезненно сжалось сердце. Амелия так много для них сделала! Она прожила долгую жизнь, многое повидала на своем веку. И, учитывая возраст, ее смерть была печальным, но не трагическим событием. Это было неизбежно.

Кендалл вдруг почувствовала, что Мейсон пристально смотрит на нее.

– Вижу, что с наследными принцами, приехавшими завладеть замком, ты не поладила.

– Ну и выражения у тебя.

Он ткнул в нее пальцем:

– Ты на них обижена.

– Вовсе нет.

– Лгунья.

- Мне просто грустно, что Амелия так и не познакомилась с ними, не видела их любви и заботы.

- Да, она их не знала. Но она знала тебя. И ее любили и заботились о ней. Мы все. Особенно ты. Она была нам как бабушка. А теперь появились эти оккупанты. Это, мягко говоря, неприятно. Наверное, они сразу все продадут.

- Нет.

- Нет?

- Они говорят - по крайней мере, двое младших, - что хотят отремонтировать дом.

- И жить в нем?

- Наверное. - Тут она вспомнила, что об этом речь не шла.

Он задумчиво помолчал.

- Не выйдет.

- Почему?

- Принцев трое, а король в замке бывает только один. Все об этом знают.

- Что ж, возможно, они и не планируют там поселиться. Они говорят, что хотят устроить в доме нечто вроде культурного центра, где можно будет проводить общественные праздники.

- Да ну? - скептически поморщился Мейсон.

- Я передаю их слова. Откуда мне знать, какие у них на самом деле планы? Мне нет до этого дела.

– Ну и не ворчи.

– Я и не ворчу. Я говорю, что с плантацией Флиннов покончено. Мне нужно двигаться вперед. У меня есть своя жизнь.

Мейсон расхохотался. Это ее взбесило, хотя виду она не подала.

– Смотри-ка... ты работаешь. Иногда выпиваешь с Винни и со мной. Изредка встречаешься с подругами. Живешь ты с кошкой. С кошкой, Кендалл.

– Кошка, между прочим, замечательная, – заметила она. – У меня много работы. Мне нравится моя жизнь. Я не хочу все время развлекаться или иметь миллион друзей.

– Беда в том, что ты слишком долго возилась с Амелией, – покачал головой Мейсон.

– Мейсон, перестань. Я была перед ней в долгу, и я ее любила.

– И ты совершала благое дело. Однако теперь тебе надо стряхнуть с себя прошлое и начать все заново.

– Я знаю. Я как раз и планирую этим заняться.

– Ты должна сходить на свидание.

– Правда? А с кем? Ты хочешь, чтобы я подцепила какого-нибудь пьяного студентку на Бурбон-стрит?

Он строго взглянул на нее в упор. Но затем его губы дрогнули в улыбке.

– Да хотя бы и так. Сколько же можно жить без секса?

– Откуда ты знаешь, что я живу без секса?

- Нет, я ничего не утверждаю. Но я знаю, что ты могла бы иметь его гораздо больше.

- Мейсон, ты просто невыносим.

- Наверное, ты и забыла, как это - ходить на свидания, - задумчиво проговорил он, словно не замечая ее обиженного вида. - Ну, начни с секса, что ли.

- Я приму к сведению твой бесценный совет, - иронически пообещала она.

- Заняться сексом ты всегда можешь со мной, - сказал он, дразня ее.

- Хотя на данный момент я не понимаю, по какой причине, но я слишком дорожу нашей дружбой, - парировала она.

- По нынешним временам, дружба - понятие растяжимое.

- Мейсон, почему бы тебе не подцепить студентку погорячее, если так не терпится?

- Пора закрываться. - Он швырнул в нее кухонным полотенцем, лежавшим до того на стойке. - Прибери тут все, а я посчитаю выручку.

- Эй! Вообще-то я здесь босс.

- Верно. И будучи ответственным работником, я не подпущу тебя к кассе. Ты слишком рассеянная сегодня. Уже почти пять, пора закругляться. Не думаю, чтобы кому-нибудь потребовалось срочное гадание. И пойдём посидим где-нибудь, выпьем.

- Ты иди, а я сама все закончу. Вы с Винни выручили меня сегодня, так что ты иди.

- Без тебя я не пойду.

- Почему это?

- Потому что тебе нужно выпить. Пойдем, ты расскажешь дяде Мейсону, что тебя мучает.

- Ничего меня не мучает.

- Чушь. Ты хочешь устроить резню на плантации Флиннов, я знаю.

- Да нет же, честное слово, - рассмеялась она.

- Тогда что случилось?

- Ничего, - упорствовала Кендалл. Чтобы переменить тему разговора и просто потому, что ей действительно этого хотелось, она предложила: - Может быть, позвонить Шейле и пригласить ее составить нам компанию? Давно я ее не видела.

Шейла была ее старинной подругой. Будучи из породы книжных червей, она состояла в историческом обществе. Кендалл чувствовала свою перед ней вину, потому что Шейле всегда хотелось обследовать плантацию Флиннов, но Амелия не терпела в доме посторонних.

- Звони-звони, все равно не дозвонишься, - ухмыльнулся Мейсон.

- Почему?

Он вздохнул. Мейсону нравилась Шейла. Более того, он был влюблен в нее, просто не признавался. Кендалл давно обо всем догадалась.

- Она же уехала в отпуск.

- Ах да! - Как она могла забыть?

Шейла собиралась на три недели в Ирландию. Значит, она вернется не раньше субботы, а сегодня только понедельник.

– Но мы с тобой идем в кабак, – заявил Мейсон. – Ты и я. И ты расскажешь мне, что стряслось.

В пять часов, убрав и закрыв салон, они сидели за столиком в углу в баре «Хайдэвей», где выступал Винни. Она, наконец, рассказала, что ее беспокоит.

– Я думаю, что это все кость.

– Кость? – переспросил Мейсон. – Какая кость?

– Очевидно, какой-то бездомный – или даже не один – жил в домиках для рабов. Там куча мусора. И кость.

Он нахмурился и пристально взглянул ей в лицо.

– Куриная кость? Свиное ребрышко?

– Человеческая кость, – ответила она, делая большой глоток пива.

Эйдан был не прочь посидеть с братьями в баре. Но после такого дня он все-таки предпочел бы вернуться в гостиницу и выпить пива в одиночестве. Однако его братья, похоже, не могли пропустить ни одного концерта не только во Французском квартале, но и во всем округе. Этот бар они выбрали потому, что знали музыкантов, которые там играли сегодня, и даже как-то выступали с ними.

Он сидел откинувшись на спинку стула и слушал. Музыка ему, в общем, нравилась. Чего нельзя было сказать о внешности музыкантов. Не то чтобы они были одеты как готы, но все были в длинных черных пиджаках и черных джинсах. Он не знал, к чему это и кого они изображают. Вампиров? Вудуистов? Группа называлась The Stakes.

Но играли они здорово.

Музыка и алкоголь помогли сбросить напряжение, накопившееся у него за день – после общения с доктором Джоном Эйбелом, детективом Хэлом Винсентом и Йонасом Бернингэмом.

Он не понимал их отношения. Точнее, не вполне понимал.

Да, Новый Орлеан и вся северная часть побережья Мексиканского залива были разрушены. Да, сотни могил размыты и сотни гробов и просто останков вместе с телами жертв урагана расплылись по всей дельте реки.

Однако это не значило, что обнаружение человеческой кости не требует тщательного и срочного расследования. И разве две бедренные кости, найденные в один день, пусть и в разных местах, не вызывают самых серьезных подозрений?

Как он и ожидал, Джон Эйбел был недоволен новым вызовом. Но разве не ему, как судмедэксперту, надлежало определить, существует ли связь между двумя находками? Тот сразу же заявил, что кости принадлежали разным людям, если только на свете не существовало женщины с двумя правыми бедрами. Тон у него был резкий и возмущенный.

Хэл Винсент тоже был недоволен и заметил, что это вне его юрисдикции. Но он, по крайней мере, вежливо согласился, что обнаружение человеческих останков нельзя оставлять без внимания. Даже Йонас вел себя так, будто Эйдан делает из мухи слона. Йонас списал его беспокойство на счет затяжной депрессии после смерти Серены.

Даже его братья были слегка ошеломлены сильной эмоциональностью его реакции, особенно когда окрестности прочесали и других костей не нашли.

Это больше всего встревожило Эйдана.

Другие – включая Джереми и Зака – считали наиболее вероятным, что во время наводнения кость принесло водой со старого семейного кладбища, расположенного за домом, к востоку от домиков для рабов.

На этом кладбище было что посмотреть. Там имелось несколько склепов, причем самый крупный и красивый служил местом упокоения большинства Флиннов. Другие явно принадлежали семьям замужних дочерей, дальних родственников, слуг и друзей. Были могилы с гробницами и без. Конечно, логично было предположить, что кость изначально лежала здесь, однако на кладбище отсутствовали какие-либо свидетельства наводнения.

Больше всего Эйдана настораживала общая готовность признать, что кость старая. Сговорились они все, что ли? Или он и вправду делал из мухи слона, видя преступление там, где его не было? К тому же на второй кости не было найдено следов плоти и она находилась неподалеку от кладбища.

– Как твое впечатление?! – спросил Зак, перебивая музыку.

– Что-что? – очнулся от своих мыслей Эйдан.

– Как тебе группа?! – пояснил Зак.

– Хорошая! – закричал Эйдан, подавшись вперед. – Хотя одеты мрачновато, на мой взгляд. У солиста потрясающий голос.

Зак кивнул, внимательно глядя на Эйдана.

– Что?

– Ты в порядке?

– Да, а что?

– Ты хмурый какой-то, будто злишься.

– Ничего подобного.

– Нет, злишься.

– Послушай, – вмешался Джереми, – забудь, что ты сегодня общался со стаей шакалов. Откуда бы ни взялась эта кость, только полный идиот отказался бы от расследования.

Эйдан кивнул и улыбнулся. Один за всех, и все за одного. Его братья. Не каждому все-таки везет иметь таких братьев.

Теперь Джереми и Зак оба внимательно смотрели на него.

– Завтра с утра я поищу в Интернете списки пропавших, – сказал Зак.

Эйдан неодобрительно покачал головой.

– Может, у меня невроз, – сказал он. – Нам ведь за это не платят.

– А я завтра наведаюсь в управление полиции, – предложил Джереми, – у меня есть там знакомые – по кампании в пользу детского дома. Я посоветуюсь с ними. Может быть, они что-то предложат. Сотни людей числятся среди пропавших после урагана, но я узнаю у них о последних случаях.

Эйдан кивнул:

– Спасибо. Я пока буду доставать Джона Эйбела.

– Что касается дома, Эйдан, – сказал Джереми, – я знаю, что ты считаешь, что нам не по силам восстановить его. Но в нем есть что-то особенное... Так или иначе, не хочешь возиться с ним – ну и не надо. Мы с Заком сами найдем плотников и все такое.

– Нет, это и моя ответственность. – Эйдан решительно тряхнул головой. – Если уж мы решили не продавать его, значит, надо делать ремонт. Первым делом нужно пригласить инженера-строителя для оценки его состояния. Мало ли кто станет уверять, что дом крепкий. Я поверю только специалисту.

– Да, это в первую очередь, – поддержал его Зак.

Эйдан снова откинулся на спинку стула и стал рассматривать музыкантов и слушателей. Через некоторое время внимание его привлек один старик из публики. Цвет кожи у него был скорее золотистый, чем темный. Черты его волевого и печального лица говорили о том, что он потомок сразу белых, черных и чироки. Он стоял, прислонившись к колонне справа от сцены, и его ленивая поза выдавал в нем завсегдатя.

- Знаешь, откуда мне известно, что эти ребята лучше других, кто играет в городе? Потому что послушать их приходит много местных, - сказал Джереми, отвлекая Эйдана от созерцания незнакомца. И вдруг он настороженно нахмурился.

- Что такое? - спросил Эйдан.

- Смотри-ка, вон сидит твой медэксперт в компании других копов. И Хэл Винсент с ними. Он, кажется, причесался. Что-то он не похож больше на сумасшедшего ученого.

- Джон Эйбел? Здесь? - не поверил Эйдан.

Ему казалось, что тот должен быть нелюдимом, который приходит после работы домой и развлекается в лаборатории у себя в подвале.

Но Эйбел и вправду сидел за столиком в группе полицейских. Он был в джинсах и футболке и выглядел моложе, чем днем. Очки он, наверное, сменил на контактные линзы и даже пригладил шевелюру. Похоже, ему тут нравилось.

- Только не поворачивайся, - зашептал Джереми, - но вон идет еще один твой приятель.

- Приятель? - удивился Эйдан и повернул голову в сторону двери, вопреки предупреждению брата.

Он увидел Йонаса, пришедшего с женой, Мэтти.

Пусть музыкальная группа бала недурна и клуб популярен в городе, но все это было, мягко говоря, странно. Как могло получиться, что они все собрались в

одном месте в одно время?

Нет, он решительно не понимал, что происходит.

Глава 4

Йонас тоже был в джинсах, сидевших на нем так, будто их сшили на заказ по фигуре. Наверное, эта была дорогущая дизайнерская марка. На его рубашке поло не было ни морщинки, из прически не выбивалось ни волоска. Красавица Мэтти пришла в джинсах той же марки и шелковой блузке, облегаящей ее тело с выдающимися, благодаря пластическим хирургам, формами. Волосы цвета платины были подстрижены и идеально уложены.

– Да, это Йонас и его жена Мэтти, – сказал Эйдан.

Они тоже его заметили. Йонас только помахал ему рукой и отвернулся, явно устав за день от его компании.

Он направился к столику, где сидели копы, а Мэтти подошла к ним.

– Привет, неужто ты здесь, Эйдан Флинн? А это, должно быть, твои братья. Йонас говорил, что вы унаследовали дом на берегу. Как дела?

Пусть ее тело было накачено силиконом и не разваливалось лишь благодаря прошивке, ее приветствие было милым и искренним. Эйдан встал, обнял ее и поцеловал в щеку. Его братья тоже поднялись, и он их представил.

– Правда, что вы хотите оставить дом себе? – спросила она, садясь на предложенный Джереми стул.

– Предполагаем, – ответил Джереми.

– Я так рада, что вы решили тут поселиться, – улыбнулась Мэтти. – Нам не хватает людей, которые хотят тут жить и работать. Слишком многие отсюда

уехали. Кстати, здесь полно работы для частных охранников. – Она неуверенно взглянула на Эйдана.

Он догадался, что она подумала о Серене. Когда он служил в ФБР, они часто встречались вчетвером. Она знала, что смерть Серены заставила его покинуть службу.

Поселиться?

Он пока об этом не задумывался. Он вообще нигде подолгу не жил. Даже в том месте, которое называл домом. Он был всегда в движении, торопясь схватить всю работу, которая имелась в соседних городах.

Он жил на бегу.

Что ж, пока его это устраивало.

Странно. Несмотря на искусственную внешность, Мэтти была настоящей внутри. Она не была равнодушной.

– Посмотрим, – улыбнулся Эйдан в ответ.

– Смотри, не наша ли это знакомая? – вдруг спросил Зак, указывая пивной бутылкой на сцену.

Эйдан взглянул туда. Пока басист объявлял следующий номер, соло-гитарист – в высоких ботинках и черной накидке с капюшоном, точно персонаж из фильма о вампирах, – наклонившись, принимал пластиковый стакан, который ему протягивала Кендалл Монтгомери.

Не успел Эйдан успокоиться – благодаря теплой встрече с Мэтти, как все мускулы в его теле снова напряглись. На Бурбон-стрит было немало других баров с живой музыкой, почему же и Кендалл Монтгомери в этот вечер очутилась именно здесь?

Гитарист с улыбкой взял стаканчик, отхлебнул и протянул его обратно. Прежде чем заиграть, он подтолкнул локтем ударника, который посмотрел на Кендалл,

улыбнулся ей и помахал рукой.

Затем она вернулась за свой столик, где сидел высокий, хорошо сложенный бритый мужчина с густыми черными бровями. Он, в свою очередь, поднял пивную бутылку, как бы показывая, что пьет за успех группы.

- Какая красавица, - заметила Мэтти, чем еще больше понравилась Эйдану. Мэтти была не из тех женщин, которые всегда стремятся унизить других женщин, опасаясь конкуренции.

- От красавицы слышим, - сказал Зак, на что Мэтти рассмеялась.

- Благодарю! А вы ее знаете?

- Сегодня познакомились. На плантации, - сказал Джереми.

Эйдан поймал себя на том, что внимательно рассматривает Кендалл. Она была несомненно красива, но как насчет ее достоинства и гордости, которые она продемонстрировала им сегодня? Она и вправду такая или прикидывается? Может, она использовала Амелию Флинн ради наживы?

Признаться, в это он не верил. Он хорошо разбирался в людях и обычно умел отличать ложь от правды. Он видел, когда собеседник лжет - таких выдавал трепет ресниц, волнение, бегающий взгляд. Кроме того, судя по ее одежде и машине, она не бедствовала, но и как сыр в масле не каталась. У нее не было, например, бриллиантов в ушах или на пальцах. Непохоже, что она доила Амелию.

Лишь однажды она уклонилась от прямого ответа на его вопрос - когда он заинтересовался Амелией и тем, что ей мерещилось по ночам. И она разозлилась на них - нет, скорее на него, приняв его вопрос за оскорбление в адрес Амелии. И ее гнев был непритворным.

У нее были поразительно красивые волосы - густая длинная пламенная грива, не меркнувшая даже в сумеречном свете бара. Черты ее лица отличались классической симметрией: большие выразительные глаза, рельефная линия подбородка, высокие скулы, красивый рот - не большой и не маленький. Она

могла бы служить моделью для скульптора. Манеры Кендалл подчеркивали ее красоту. Она была высокая и держалась прекрасно. Элегантно. Она легко и грациозно двигалась, сохраняя прямую осанку. Она была из тех женщин, которые не только привлекают внимание, но и способны удержать его.

Интересно, что он сам рассматривал ее совершенно равнодушно. Хотя... тут он лукавил. Наоборот, она его сильно волновала. Как бы они все ни пытались быть современными мужчинами, природу не переделать. На женщину с такой фигурой невозможно не смотреть и не представлять себе, какова она на ощупь. И какова она, черт возьми, в постели.

Он с досадой отвернулся. Нет, он вовсе не сделался монахом после смерти Серены. У него были женщины, и немало. Но правила игры для него изменились с тех пор, как он в последний раз заводил роман. Некоторые из его женщин искали серьезных отношений, но большинство довольствовалось одной ночью – вот эти и были ему по нраву. Он не хотел, проснувшись утром, видеть чужое лицо у себя на подушке. Он не хотел дружбы. И уж конечно, не хотел спать с другом.

Его женщины не были его друзьями. Он едва бывал с ними знаком.

Он обернулся и увидел, что лысый спутник Кендалл глядит на их столик. Глядит на него.

– Извините, пожалуйста. – вежливо сказал он Мэтти и братьям.

– Пожалуйста-пожалуйста, – Мэтти понимающе улыбнулась и слегка кивнула в сторону Кендалл.

Он не стал разочаровывать ее, объясняя, что надежды ее напрасны. Он и сам не понимал, зачем он идет туда, но явно не для того, чтобы пригласить Кендалл на свидание.

Подойдя к их столику, он поздоровался, представился и пожал руку лысому. Это был симпатичный парень. Наверное, ее бойфренд.

– Приятно снова вас видеть, мисс Монтгомери.

Лысый заулыбался.

– Значит, вы Эйдан Флинн. Я – Мейсон Адлер, коллега Кендалл. Приятно познакомиться. Присоединяйтесь.

Эйдан взял стул и присел к ним за столик. По стандартам Бурбон-стрит было еще рано, и народу в баре было пока немного.

Но зато здесь собрались все, кого он видел за день.

Кендалл пристально смотрела на него своими глубокими зелеными глазами. По ее лицу невозможно было понять, довольна она или нет.

– Что вы здесь делаете? – наконец спросила она.

Он сдвинул брови.

– Слушаю музыку, пью пиво.

– Но... почему здесь?

Он едва не рассмеялся. Значит, ее тоже мучают подозрения.

– Зак нас сюда привел. Ему нравится эта группа, особенно гитарист.

– Винни отлично играет, – сказала она, а затем прибавила: – Что там с костью, которую вы нашли?

– Они считают меня паникером. – Он поморщился и передернул плечами.

– То есть?

– Это уже вторая кость. Первую я нашел утром.

Пока она молча хмурила лоб, вмешался Мейсон:

– Подождите-ка, вы уже находили такую кость? – Он укоризненно взглянул на Кендалл, будто она что-то от него скрыла. – Возле дома?

– У реки.

– Человеческую кость?

Эйдан кивнул, откинулся на спинку стула и решил объяснить:

– Я частный детектив. Меня попросили отыскать сбежавшую из дома девочку-подростка. Как оказалось, она жила с группой других подростков в коттедже у реки. Я заметил кость, когда был с детьми, а потом вернулся с полицией и судмедэкспертом.

– А девочка отправилась домой? – спросила Кендалл.

– Да, там все закончилось хорошо.

– Повезло, – заметила Кендалл. – Не всегда так бывает.

– И что же сказал судмедэксперт?

– По его мнению, кость старая и попала на берег из какой-то размытой могилы. Сейчас всплывает много старых костей.

– Это печально, но факт, – сказал Мейсон.

Эйдан подумал, что он похож на вышибалу, хотя, кажется, человек приличный.

– Да, к сожалению, – согласился Эйдан.

– А вы часто здесь бываете? – спросил Мейсон.

– Иногда. Несколько лет назад начал приезжать.

– Удивительно... – Мейсон встряхнул головой. – И все это время вы ничего не знали о вашей семье и что вы наследник плантации?

– Ровным счетом ничего не знал.

Официантка принесла и поставила на стол три кружки пива. Когда Эйдан вопросительно взглянул на нее, она пояснила:

– Это вам от Винни.

– Значит, Винни отличный гитарист и ваш добрый друг? – спросил Эйдан у Кендалл, будто не видел ее у сцены некоторое время назад.

– Да, мы дружим со школы, – ответила она.

– Я что-то не пойму их стиля, – сказал Эйдан, – странно как-то они одеты.

– Странно? – со смехом переспросила Кендалл. – Это в порядке вещей для Нового Орлеана.

– То есть вы даже не догадывались о существовании плантации Флиннов? – не отставал Мейсон, не замечая, что разговор перешел на другую тему.

– Мейсон... – тихо предостерегла Кендалл.

– Нет, не догадывался. А если бы и догадывался, что с того? Мало ли на свете Флиннов?

– Говорят, что ваши братья талантливые музыканты. – Кендалл попыталась отвлечь их от тяжелой темы.

Эйдан кивнул.

– А вы что же?

– Что я?

- Что вам помешало стать музыкантом?

- ВМФ США.

- Знаете, вы должны зайти к нам, чтобы узнать свою судьбу, - сказал Мейсон.

- Мейсон! - воскликнула Кендалл и даже побледнела.

- Для чего? - нахмурился Эйдан.

Кендалл вскочила.

- Я схожу и приглашу к нам ваших братьев. И вообще мне пора. Становится поздно.

- Кендалл! Только восемь часов, - возразил Мейсон.

- Я знаю, но мне завтра рано открывать магазин, - взволнованно ответила Кендалл, словно боялась, что ей не поверят.

- А где находится ваш магазин? - любопытствовал Эйдан.

Узнать судьбу? Что же это за магазин?

- На Ройал-стрит, называется «Чай и Таро», - ответил за нее Мейсон.

- Понятно, - протянул Эйдан, чувствуя странное напряжение в мышцах.

Таро. Гадание на картах. Выходит, она аферистка. Он был втайне разочарован.

- Послушайте, извините, но мне пора, - решительно заявила Кендалл.

- Винни не переживет. Он собирался спеть свою новую песню, - напомнил ей Мейсон, - он хотел, чтобы ты услышала.

– Я послушаю в другой раз. Мне нужно идти. Спокойной ночи.

Когда она повернулась и зашагала к выходу, Эйдан, сам того не ожидая, вскочил со стула.

– Она далеко живет? – спросил он Мейсона.

– Нет, тоже на Ройал, ближе к Эспанаде. Там безопасно, – заверил Мейсон.

Мейсон определенно вызывал любопытство, однако между ним и Кендалл ничего не было, иначе он не вел бы себя так беззаботно.

– Как бы пьяные на улице к ней не пристали, – сказал Эйдан. – Пойду, пожалуй, прослежу.

Мейсон кивнул:

– Это идея. А я пойду поздороваюсь с вашими братьями.

Эйдан так и не узнал, что делал дальше Мейсон, потому что выбежал на улицу вслед за Кендалл.

Вечером в понедельник на Бурбон-стрит было довольно спокойно. Зазывалы пытались затянуть прохожих в свои заведения. Из одного места раздавалась старая добрая музыка кантри, а через дорогу брыкались неоновые ноги на рекламном щите у стриптиз-клуба. Группа членов студенческого братства шла по улице парами, переплетя руки, расплескивая вино из пластиковых стаканчиков, и распевала какую-то непонятную песню. Две женщины в надувных шляпах захихикали, глядя на эту процессию.

Кендалл нигде не было видно, и он свернул на Ройал.

На Ройал-стрит было тихо, как в могиле. Пожилая пара выгуливала терьера. Кто-то быстро шагал впереди. Кендалл.

Он поспешил за ней. Он не пытался нагнать ее бесшумно, но она, должно быть, глубоко задумавшись, резко обернулась и вскрикнула, когда он тронул ее за

плечо.

- Ах! - сказала она, узнав его.

- Извините. Я не хотел вас испугать.

- Вы меня не испугали, просто я не ожидала, - с негодованием заявила она, воспринимая его слова в штыки.

Что ж, это и понятно, ведь он был невысокого мнения о предсказателях, гадалках и подобных гражданах. Он этому не верил и не сомневался, что и она не верит, хотя и не мог бы объяснить почему. Возможно, потому, что она производила впечатление уверенного в себе и практичного человека.

- Извините, - еще раз сказал он.

Пulsирующая на ее шее венка ясно показывала, что сердце у нее бьется слишком быстро. Что бы она ни говорила, а он все-таки испугал ее.

- И что вам надо?

- Я подумал... я думал... Тьфу, черт. Я хотел вас проводить.

Она уставилась на него тяжелым взглядом.

- Вы решили, что мне нужны провожатые? - В ее голосе было поровну возмущения и недоверия.

- Ну... темно все же, ночь, - пробормотал он.

- Я гадаю на картах Таро, по ладони, у меня есть к этому способности. Вам не кажется, что я могла бы увидеть опасность, если бы она была? - сухо произнесла она, не сводя с него злого взгляда.

- Сомневаюсь.

– Я здесь живу. Я здесь родилась. У нас совсем не такой ужасный город, как о нем говорят. У нас есть проблемы, но в каком городе их нет? Я спокойно сама пройду два квартала до своего дома. Благодарю вас за заботу, но я не верю, что вы хотели меня проводить. И я вас спрашиваю еще раз: что вам от меня надо?

Понимая, что медлить или врать было бы глупо, он признался:

– Я хочу больше узнать о вас.

– Обо мне?

– И о том, как вы посещали Амелию и что происходило ночью. Что ей мерещилось, что снилось. Что она вам рассказывала и что пугало ее – и вас.

Пристально взглянув на него, она с тихой усмешкой проговорила, будто насмехаясь над собственными словами:

– Духи?

– Вы верите в духов?

Она почувствовала, что это не притворный интерес, не издевка.

– О нет, конечно же нет, – ответила она тоже вроде бы искренне.

Они пошли вместе, и он упомянул, что одной из причин, по которым ему всегда нравился Новый Орлеан, была его архитектура. Она рассказала ему о зданиях, мимо которых они проходили. Десять минут спустя они все еще говорили.

У нее в квартире.

Кендалл и сама не понимала, как она ухитрилась пригласить его, когда он ей совсем не нравился. Однако он был у нее.

Она жила на первом этаже прекрасного старого здания, построенного в 1816 году. В нем было четыре большие квартиры, по две на каждой стороне коридора.

В ее квартире была большая прихожая, коридор, две спальни, одна из которых служила ей кабинетом, а также кухня и гостиная, разделенные длинной стойкой. Из гостиной через высокие створчатые двери можно было попасть во внутренний дворик, который изначально располагался со стороны фасада. Двор был огорожен изгородью из штакетника с калиткой. Когда-то ею пользовались как парадным входом.

– Мило здесь у вас, – оценил Эйдан. Поскольку он проник к ней в дом, она чувствовала себя обязанной предложить ему выпить, и теперь он рассеянно поигрывал бокалом со скотчем, глядя через стеклянную дверь во двор. – Это ваша собственная квартира?

– Нет, я ее снимаю.

– Ваш салон приносит доход?

– Я не жалуюсь.

– В округе, наверное, полно приверженцев вуду и оккультизма.

– Для моих клиентов это в основном развлечение.

Он отвернулся от окна и прошел за стойку, где уселся на высокий табурет.

– А есть такие, для которых это не развлечение?

Прежде чем ответить, она сделала хороший глоток водки с клюквенным соком.

– У вуду очень много серьезных последователей, на самом деле.

– Я тоже могу прочитать описания всех этих ритуалов в Интернете и объявить себя священником, – отмахнулся он. – Это не значит, что в этом есть что-то серьезное.

– Вуду была религией народов Таити. Это смесь древних африканских верований и католицизма. Вудуисты молятся святым и веруют в верховное существо, Бога.

– А еще они умеют наносить вред человеку, втыкая иглы в кукол, а их священники знают, как воскресить человека из мертвых, превратив его в зомби.

– Вы, случайно, не тайный вудуист? – усмехнулась Кендалл.

– Нет. Религии и верования меня вообще не интересуют, мне более интересны люди, которые используют эти вещи в корыстных целях.

– Не сочтите за оскорбление, – сказала она, пожимая плечами, – но почему вы решили, что тут происходит что-то ужасное? Не так давно по Миссисипи плавали не только кости, но целые трупы. Каждый день тут что-то находят. И еще не один год будут находить.

– Я знаю. Это была страшная трагедия.

– Но все-таки убеждены, что здесь нечисто. Помимо того, что на плантации живут бездомные, а я ничего об этом не знаю.

На его губах промелькнула печальная улыбка.

– Простите, если я обидел вас, – сказал он, поднимая свой бокал. – Вас было всего двое женщин, к тому же одна – старая и немощная, в огромном доме на огромной плантации. Вы не обязаны были за ней ухаживать, и я глубоко благодарен вам за вашу доброту, и, уж конечно, вы не нанимались в сторожа. И отчего же все это меня беспокоит? Назовите это интуицией, если хотите. Кость, которую я нашел у дома, показалась мне подозрительной потому, что ранее я обнаружил другую кость на берегу.

– Тут вокруг полно таких костей.

– Да, но...

– Но?

– Расскажите мне об Амелии, – вдруг попросил он, на удивление резко меняя тему.

Огромная черная персидская кошка по имени Иезавель выбрала этот момент, чтобы подойти к Эйдану и начать тереться о его ноги, так громко мурлыча, что Кендалл отчетливо слышала ее за три метра.

Неожиданно для себя Кендалл бросилась через всю комнату, схватила кошку и выставила в прихожую, мысленно отчитывая ее. «Не зря я назвала тебя Иезавель»[7 - Иезавель – деспотичная, крайне жестокая и жестоко несправедливая израильская царица.], – думала она.

– Какая красивая кошка, – заметил Эйдан.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила Кендалл.

Он ничего не сказал о том, что Кендалл не понравилось проявление кошачьей симпатии.

– Амелия... – напомнил он.

– Она всегда была очень добра ко мне. Наверное, между нами существовала духовная связь. Чудесная женщина. Она умерла от рака. Хотя адвокат вам, вероятно, сообщил.

– Я полагаю, она принимала морфий как обезболивающее? – спросил Эйдан.

– Да, – неохотно подтвердила Кендалл, зная, куда он клонит.

– И у нее бывали галлюцинации?

– Да, – еще более неохотно ответила Кендалл.

– А у вас?

Довольно с него любезностей. Его темно-синие глаза, подернутые инеем, в упор уставились на нее, тон изменился.

– Не знаю, что вам ответить. Недели за две до смерти ее постоянно преследовал страх. Я поставила раскладушку в ее комнату, чтобы быть с ней ночью. Порой она просыпалась, крича, что видит огни. Я всегда была полусонной, так что не могу вам точно сказать, видела ли я эти огни или нет. Не огромные фонари, как у летающих тарелок, а светящиеся точки в районе кладбища. Иногда ей что-то слышалось, но я опять же воспринимала все сквозь сон. Слышала ли я что-нибудь необычное? Я не уверена.

– А что вы слышали?

– Я слышала, как воет ветер. Иногда этот вой походил на крик, но так бывает, когда он свистит в старых дубах. Шорохи – опять, наверное, ветер. Или белки. Все это объяснимо, я уверена... Но вот в конце...

– Что... в конце?

«А он хороший следователь», – подумала она, подчиняясь его вкрадчивому голосу, который ласково принуждал ее продолжать.

– Меня тоже начали одолевать страхи. – Она глотнула из бокала и задумалась. – Вообще-то я всегда ощущала себя в безопасности на плантации.словно... под защитой прошлого, как бы под защитой доброго духа. Может быть, у меня сложилось такое впечатление от красоты этого места. Но к концу Амелия все-таки заставила меня несколько раз понервничать. То есть ночью там бывает такое ощущение, будто ты одна на свете. И несмотря на ощущение безопасности, мне было не по себе... потому что я чувствовала, что вокруг происходит что-то злое, нехорошее... но если я буду смиренно лежать на своей раскладушке, то никто меня не тронет. Слышала я что-то или нет – не знаю, но на всякий случай клала рядом с кроватью бейсбольную битку.

– Надо было класть ружье.

– Это было бы здорово, но я не умею стрелять. Чего доброго, я застрелилась бы сама или застрелила Амелию.

Он улыбнулся:

- Вам необходимо научиться стрелять. Особенно если вы планируете и дальше ночевать на уединенных плантациях. Понимаете, есть вещи похуже, чем привидения. И это вполне реальные чудовища из плоти и крови.

- Нет, знаете, я больше ничего такого не планирую, так что обойдусь без снайперских курсов.

- Ладно. Расскажите все до конца.

Кендалл невольно вздрогнула. Она ненавидела себя за это, зная, что он отмечает каждое ее движение.

- В конце ничего особенного не было, только она начала бредить, будто разговаривала с какими-то невидимыми мне собеседниками.

- И что она говорила?

- Разное.

- Например?

- Порой бывало так, словно она читает лекцию по истории. Она говорила о Реконструкции - после Гражданской войны, после Первой мировой, Второй мировой, вспоминала Мартина Лютера Кинга... и все в таком роде. О том, как она гордится своим старым домом. Мне казалось, что она счастлива. Казалось, что она говорит с...

- Духами?

- Именно.

- Ей кололи большие дозы морфия...

- Еще какие... Это делала не я, я ведь не медик. Я наняла медсестру, когда стало ясно, что Амелии недолго уже осталось. Она не хотела умирать в больнице. Она хотела умереть в том доме, где родилась. Но однажды...

– Что?

– Она была без сознания, в коме, и вдруг она открыла глаза и села. Посмотрела прямо на меня, попрощалась и сказала, что любит меня. А затем она протянула руку – будто рядом кто-то стоял – и сказала: «Пора. Я готова». И затем она умерла.

– Морфий, – тихо проговорил Эйдан, словно желая подбодрить ее, убедить ее в этом.

– Конечно, – ответила она, глядя ему прямо в глаза.

И вдруг ей стало не по себе, хотя он стоял далеко и не собирался ей угрожать. Он вел себя вежливо и даже по-доброму. Издевается? Нет, скорее всего. Она чувствовала его искренность. А когда он улыбался или просто задумчиво молчал, он был чертовски привлекателен. Высокий рост и широкие плечи придавали ему статью, а резкие суровые черты лица выдавали интригующую силу. В нем была внутренняя энергия, источавшая жар, и даже сексуальная харизма. Этим он в немалой степени был обязан своей уверенности, которая позволяла ему непритворно плевать на то, что подумают о нем другие.

Интересно, что все-таки случилось с его женой?

Но спрашивать она, конечно, не собиралась.

Она стыдила себя за свое внезапное смущение. Если он был свободным мужчиной, а она свободной женщиной, это не означало, что они должны броситься друг на друга. О боже! Что за нелепые мысли лезут в голову? Он не понравился ей с самого начала и по-прежнему не нравился. И как мужчина он...

«При чем здесь это? – одернула она себя. – Для него я не более чем мошенница».

А разве она сама порой не считала себя мошенницей?

Нет, он должен уйти. Она устала. Она чувствовала странную слабость, и это ее беспокоило. От усталости логическое мышление отказывалось служить ей.

– Мне, пожалуй, пора спать, – кашлянув, сказала она.

– Разумеется, – словно очнулся Эйдан, пристально изучавший ее, как и она его. Как давно? Что-то мелькнуло у него перед глазами. Вспышка. Будто он увидел в ней что-то привлекательное. – Конечно. – Он поставил свой бокал на стойку. – Спасибо.

Вежливые слова. Отстраненные. Она не пошла проводить его. Лишь услышав, как хлопнула входная дверь, она отправилась в прихожую и щелкнула замком.

Удивительно, но, оставшись одна, она не почувствовала долгожданного удовольствия от мысли, что теперь можно расслабиться, отдохнуть... Зато...

Ей было по-прежнему не по себе. И хотелось, чтобы он был с ней. Какая нелепость. Ее уютная квартира теперь казалась ей пустой. Ей было одиноко, как никогда в жизни.

Иезавель нерешительно мяукнула. Кендалл взяла ее на руки, потерлась подбородком о мягкую кошачью шерсть. Она любила всех животных, но при ее рабочем графике она могла позволить себе завести только кошку.

– Почему мне сейчас хочется, чтобы ты была собакой? Большой собакой, как мастиф или питбуль.

Иезавель снова мяукнула.

– Ты мне очень помогла, – иронически заметила Кендалл.

Но кошка была не виновата в том, что не могла избавить Кендалл от чувства одиночества. И страха.

Глава 5

Смерть.

Бывает насильственной и мирной, на поле боя, на улице, дома или в больнице. Мертвые люди иногда походят на спящих, а иногда их находят разорванными в клочки, со следами глумления и разложения.

В современном мире смерть быстро прячут с глаз долой, если только речь не идет о последствиях глобальных бедствий. Тогда появляются полевые госпитали, временные морги, а иногда массовые захоронения или сожжения.

Впрочем, ураган давно миновал. Новый Орлеан быстро восстанавливался.

Восстановили и морг, разрушенный стихией. Все здесь было новым. Посетители входили в тихую, со вкусом оформленную приемную, которая могла бы быть приемной врача или адвоката. Играла мягкая музыка, дежурная – молодая женщина с приятным голосом – предлагала помощь.

Было сделано все возможное, чтобы замаскировать присутствие смерти в месте, куда близкие приходили в последний раз взглянуть на тех, кого они любили. Иногда полицейские беседовали здесь с живыми, пытаясь разгадать тайны мертвых.

Эйдану был знаком этот морг, поскольку он бывал здесь несколько раз, приезжая в Новый Орлеан по делам. И как во всех моргах, несмотря на все попытки скрыть это, здесь было что-то... уже впитанное стенами. Никакой музыкальный центр не мог высушить слезы матери, потерявшей ребенка. И никакая белизна не помогала заглушить запах смерти.

Но девушка за стойкой была приятной, с виду полной искреннего сочувствия. А может быть, она стала хорошей актрисой за все время, что ей приходилось встречать полицейских, родителей, родных и друзей, тех, кто пришел сюда в страхе найти ближнего среди покойников, и тех, кто испытывал облегчение, избавившись, наконец, от заботы о ближнем.

– Здравствуйте, мистер Флинн, – приветствовала она Эйдана.

Очевидно, они уже встречались. Хорошим же он был сыщиком, что не запомнил ее. К счастью, у нее на груди висел именной жетон – Руби Бордо, так что он мог сделать вид, что узнал ее.

– Привет, Руби, – улыбнулся он. – Я надеюсь увидеть доктора Эйбела. Он здесь?

– Я сейчас узнаю.

Она улыбнулась и стала набирать номер. Когда ей ответили, ее улыбка миглом испарилась. Она нахмурилась. Слышно было, как на том конце орет Эйбел.

Руби положила трубку и виновато взглянула на него:

– Он очень занят. Извините.

– Хорошо, я подожду.

– Хм... он нескоро освободится, – зарделась юная Руби, которая, по-видимому, вообще легко краснела.

– Я могу хоть целый день его ждать, – сообщил ей Эйдан, садясь в кресло. – Только передайте ему, что я здесь. Я дождусь его.

Он подозревал, что здесь есть служебный выход, и хотел помешать Эйбелу им воспользоваться.

– Вы хотите, чтобы я... снова ему позвонила? – спросила Руби с таким выражением, будто он посылал ее в клетку со львом.

– Да, пожалуйста, если можно.

Она поколебалась, затем вышла из-за стойки.

– Мистер Флинн, вы должны понять. Вы не представляете, сколько у нас было работы в течение нескольких месяцев после «Катрины». Вы не знаете, как нам доставалось. Доктор Эйбел – неплохой парень, просто ему пришлось многое пережить, как и всем нам.

– Я понимаю, – мрачно ответил Эйдан.

– Тем более.

Она стояла, не двигаясь с места, и ждала, пока он уйдет. Она молилась, чтобы он ушел. Но как бы ни жаль ему было мисс Бордо, уходить он не собирался.

– Знаете, что бы ни случилось в прошлом, люди до сих пор погибают. Не все убийцы погибли во время урагана, и доктору Эйбелу это известно.

– О боже, вы расследуете убийство?! – воскликнула она.

– Возможно.

Кивнув, она выпрямилась и подошла к телефону. После кратких переговоров она положила трубку и сказала ему:

– Идемте со мной.

У дверей прозекторской она указала на вешалку, где висели белые халаты:

– Наденьте.

Облачившись в халат и натянув маску, он вошел в прозекторскую. Доктор Эйбел был занят очередным вскрытием. Почему-то Эйдан был уверен, что этот труп нарочно приберегали для его прихода.

– Я же сказал вам, Флинн: я занят, – произнес доктор Эйбел, не поднимая головы, и сделал первый надрез. Из трупа брызнула зеленая зловонная жидкость. Ассистент доктора отскочил, бормоча что-то.

Эйбел взглянул на Эйдана с явной надеждой, что тот тоже испугается.

Зрелище и вправду было страшное. Смерть вообще страшная штука. Эйдану доводилось видеть тела погибших на бойне, убитых в мирное время, жертв покушений и даже пыток. Это всегда тяжело. Но он научился не подавать виду. Только однажды нервы подвели его – когда он увидел Серену. Он прогнал это воспоминание.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ураган «Катрина» – самый разрушительный ураган в истории США. Произошел в конце августа 2005 г. Наиболее тяжелый ущерб был причинен Новому Орлеану, когда под водой оказалось около 80% площади города. (Здесь и далее примеч. ред.)

2

Около 167 см.

3

Около 190 см.

4

Около 177 см.

5

Дункан Файф (1768—1850) – крупный американский краснодеревщик, самый производительный и популярный в США в начале XIX в.

6

Около 182 см.

7

Иезавель – деспотичная, крайне жестокая и жестоко несправедливая израильская царица.

Купить: <https://tellnovel.com/hizer-grem/smertelnaya-noch-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)